

Шелковый шнурок

Автор:

Владимир Малик

Шелковый шнурок

Владимир Кириллович Малик

Тайный посол #4

Владимир Малик (настоящая фамилия Сыченко, 1921 – 1998) – украинский писатель, известный как автор историко-приключенческих романов (тетралогия «Тайный посол», «Князь Кий», «Червлёные щиты» и др.). Его произведения ставят в один ряд с романами Александра Дюма и Генрика Сенкевича. В 1983 году за достижения в области литературы В.Малику была присуждена премия им. Леси Украинки.

В тетралогии «Тайный посол» рассказывается о борьбе украинского народа против турецко-татарских захватчиков во второй половине XVII столетия, про трагические события в Украине после Чигиринских походов и про оборону Вены (летом 1683 года). Увлекают невероятные приключения главного героя романа казака-сорвиголовы Арсена Звенигоры и его побратимов, чья самоотверженность в борьбе за «друзья своя», за честь, справедливость и человечность делает их настоящими рыцарями «без страха и упрека».

Владимир Малик

Шелковый шнурок

Часть первая

Великий визирь Асан Мустафа Кеprüлю, или Кара-Мустафа, как называла его вся Турция, стоял перед большим, в позолоченной раме, зеркалом венецианской работы. В нем он видел сухощавого среднего роста мужчину в белой, как и положено великому визирю, одежде и такой же белоснежной чалме, украшенной большим самоцветом и серебряным челенком[1 - Челе?нк (тур.) – медаль за храбрость.].

Приблизившись к зеркалу почти вплотную, он начал внимательно рассматривать свое лицо.

Оно было темным, продолговатым, с хрящеватым – не тюркским, а греческим – носом, ибо предки Кеprüлю были греками и, подобно многим, отуречились после завоевания Константинополя османами. Две глубокие морщины пролегали от крыльев носа и резко очерчивали плотно сжатые губы. Эти морщины придавали лицу особую суровость. На груди лежала черная, с проблесками седины борода. А из-под крутых бровей смотрели пытливые черные глаза, пронизательного взгляда которых не выдерживал никто, даже сам султан Магомет.

Вспомнив султана, великий визирь криво улыбнулся.

Ребенок! Взрослый ребенок, волей судьбы поставленный управлять гигантской империей! Ему бы веселиться, развлекаться с одалисками, в султанском гареме их более полутысячи. Или – охотиться... Охота – его стихия и самая большая страсть. Ради нее султан, не задумываясь, бросает государственные дела, войско, гарем и мчится в дикие чащи Родопских гор погоняться за вепрями, косулями, зайцами или лисами. Не зря же он и прозвище получил – Авджи, то есть Охотник...

Кара-Мустафа вновь улыбнулся. На этот раз печально. Ведь ему, истинному правителю Османской империи, приходится гнуть спину перед этим ничтожеством, этим лентяем, корчащим из себя великого завоевателя и мечтающим о лаврах Александра Македонского... А кто вознес его на такую невероятную высоту? Род Кеprüлю, вот уже тридцать лет бессменно дающий Турции великих визирей! Могущественнейший род не только империи, но, пожалуй, и всего мира. Из этого рода вышел и он, Асан Мустафа Кеprüлю! Это его род привел к власти Магомета IV, которого давно бы сгноили в Семибашенном замке его братья, куда более достойные претенденты на престол... Ничтожество! Но попробуй лишь пальцем шевельнуть против его воли! Лишишься не только сана великого визиря, но и головы...

Ну нет! Рано или поздно наступит время, когда он, Асан Мустафа, не будет склоняться ни перед кем, ибо сам станет правителем, султаном или императором Великой империи! Она будет создана на руинах Австрии, Венеции, Польши и немецких княжеств. Уже готовится громадное войско, перед которым падут, как трава на морозе, объединенные силы врагов Порты. Во главе войска он пройдет вдоль Дуная, станет грозой и бичом пророка для проклятых гяуров! На их землях он насадит ислам, пол-Европы обратит в мусульманство, а Вену, прекрасную столицу эрцгерцога Австрии и императора Священной Римской империи[2 - Священная Римская империя – так называлась тогда Германия вместе с захваченными ею в Европе землями.] Леопольда, сделает своим главным городом!

Все складывается как нельзя лучше. С царем московским Федором, слава Аллаху, подписано перемирие. Значит, на севере руки развязаны. Император Леопольд, подстрекаемый иезуитами, затопил кровью Западную Венгрию в беспощадной борьбе с повстанцами. Используя это, турки сумели переманить на свою сторону молодого графа Имре Текели, ставшего вождем венгров. Чтобы помочь османам в войне против Австрии, Текели поведет за собой многие тысячи опытных воинов. Когда же он свершит это дело и станет ненужным, его надо устранить, а Венгрию, этот благодатный край на Дунае, он, Асан Мустафа, сделает пашалыком вновь созданной империи, ее житницей.

Лазутчики доносят, что Леопольд засылает тайных послов к королю Франции Людовику XIV, надеясь после многих лет неприязни, вражды и войн склонить его к дружбе или хотя бы к нейтралитету. Напрасные усилия! Великий визирь получил заверения Людовика в том, что Франция никогда не пойдет на сговор с Австрией, своей давней соперницей на континенте. Более того, через королеву

Ляхистана Марию-Казимиру, дочь обнищавшего французского маркиза капитана д'Аркена, Людовик потребовал от Яна Собеского сохранения мира с Турцией и поддержки венгров против Австрии... Ян Собеский, давний враг Порты, пока что колеблется... Пусть колеблется! Для этого у него есть основания: он не имеет ни войска, ни денег...

Великий визирь погрузился в раздумья. В них чудовищно переплетались действительность с домыслами, трезвые рассуждения опытного государственного мужа и воина с иллюзорными юношескими мечтами.

Глядя в зеркало, он уже не замечал морщин на своем лице и мешков под глазами, появившихся в последнее время, а видел себя молодым и могучим императором безграничной империи, что будет простираться от берегов Дуная у Железных Ворот до прозрачного Рейна, а может, и дальше. То, чего не удалось сделать на севере, он осуществит на западе.

Пожалуй, это к лучшему?

Вместо полупустынных украинских степей, раскинувшихся по берегам многоводной реки Озу, которую гяуры называют Днепром, к его ногам лягут густонаселенные богатые провинции страны Золотого Яблока[З - Страна Золотого Яблока – Западная Европа.]. Его конь высечет своими подковами искры на каменистых берегах Сумеречного океана, о котором мечтали и Аттила, и Чингисхан, и узкоглазый женоподобный толстяк Батухан... Его рука пронесет зеленое знамя пророка до самого края земли!

Да, все это будет! Все это он свершит. Но позднее. В будущем. А сейчас...

Кара-Мустафа усмехнулся и подмигнул, как мальчишка, отражению в зеркале. Потер пальцами складку между бровями и подмигнул еще раз.

А сейчас он отправится в левое крыло своего огромного дворца, пройдет тайным ходом в башню и заглянет в комнату, где по его приказу вот уже который месяц держат «цветок рая», девушку-пленницу, чья необычайная красота нарушила покой первого сановника империи.

Он оставил кабинет, миновал зал приемов, полутемной прохладной галереей дошел до сторожевой башни, примыкающей ко дворцу и сообщаемой с ним

незаметной для постороннего глаза дверью.

Охраны здесь не было.

Кара-Мустафа отодвинул легкий декоративный шкаф, без усилий отворил массивную дубовую дверь – ее петли были всегда хорошо смазаны. Переступив порог, остановился в просторной нише.

Густой сумрак был вокруг. Но он не обращал на это внимания – уверенно протянув руку вперед, нащупал на стене картину в раме, снял ее.

В нише стало чуть светлее: за картиной было скрыто небольшое оконце, пропускавшее немного тусклого света.

Осторожно поставив картину на пол, Кара-Мустафа приблизил лицо к стеклу.

Его взору открылась большая круглая комната, обставленная с исключительной даже для дворца визиря роскошью. Стены задрапированы пестрым шелком и коврами. Слева от двери – высокое зеркало, справа – шкаф с бронзовыми ручками. Посредине, в ажурной мраморной чаше, плясали прозрачные струи маленького фонтанчика, а над ним раскинула ветви нежно-зеленая пальма. По другую сторону фонтана стояла широкая, застеленная тяжелым персидским ковром тахта. На ней лежала девушка. Возле тахты, на полу, сидела пожилая женщина.

Только решетка в проеме окна резко диссонировала со сказочным убранством комнаты.

Полюбовавшись красотой девушки, Кара-Мустафа тихонько вздохнул, повесил картину на место.

В последние дни у него появилась привычка, даже потребность – хотя бы несколько минут понаблюдать за пленницей. И как бы он ни был занят государственными делами, он каждый день находил время побывать здесь, у этого оконца.

Вот и сегодня – джумеат, святая пятница. Еэр халифа, торжественный султанский намаз. И ему, великому визирю, вместе с другими высшими сановниками империи нужно через час сопровождать падишаха к мечетям Сулеймание и Ая София. А он не мог не заглянуть сюда, не мог не увидеть прекрасное лицо, чудесные косы и нежные округлые плечи молодой красавицы.

2

Тем же путем Кара-Мустафа вернулся в свой кабинет, подойдя к зеркалу, еще раз внимательно осмотрел белоснежную чалму с сияющим челенком, такой же ослепительной белизны доломан с горностаевой опушкой, пышную черную бороду, припорошенную кое-где, словно изморозью, сединой, и, оставшись вполне довольным собою, направился к выходу.

Во дворе уже ждала свита. Старший конюший держал за уздечку серого в яблоках коня. Ехать было недалеко – до пристани.

Великий визирь чуть задержался на крыльце, быстрым взглядом окинул двор. Полной грудью вдохнул свежий утренний воздух.

О Аллах, как здесь красиво! Нет, что ни говори, его усадьба Эйюб, расположенная за стенами столицы, на берегу залива Золотой Рог, – райское место!

Большой двухэтажный дворец, с примыкающими к нему гаремом, кухней и другими службами, утопает в зелени тенистого сада. Повсюду – море цветов. Напротив входа во дворец – пристань, где всегда стоит наготове галера. С Золотого Рога веет прохладой и запахами моря. Рай, да и только! Неудивительно, что сам султан, посетив Эйюб, это небольшое пригородное селенье, сказал: «Если б не было на свете султанского сераля, то я хотел бы жить в Эйюбе».

Кара-Мустафа спустился по ступеням, легко вскочил в седло и направил коня к пристани. Свита тронулась за ним.

На мачте галеры развевалось знамя великого визиря. По парадному трапу он поднялся на палубу. Корабельный ага отсалютовал ему саблей.

Без малейшего промедления галера отчалила от берега, проплыла по Золотому Рогу и, обогнув почти весь город и выйдя в Мраморное море, взяла курс на султанский мобейн[4 - Мобейн, или селямлик (тур.) – мужская часть султанского дворца.]....

Кара-Мустафу встречали все члены дивана – визири, а также бесчисленные придворные, о должностях и роли которых даже он, великий визирь, имел весьма туманное представление. Испокон веку существовали они, и без них, казалось, не мог обойтись ни один султан.

Вся эта толпа последовала за великим визирем к дворцу падишаха. По пути она постепенно уменьшалась – придворным полагалось ожидать выхода султана в трех дворах и в многочисленных помещениях сераля.

В большой тронный зал Кара-Мустафа вошел один. Постоял немного, а затем не торопясь направился к высоким позолоченным дверям, по обе стороны которых стояли на страже два чернолицых великана-нубийца.

В это время через открытые окна со двора слышался протяжный напев рожков, удары тулумбаса – большого сигнального барабана.

Позолоченные двери распахнулись, и в зал вошел султан Магомет. Его сопровождал всего один придворный – главный евнух.

Кара-Мустафа молча поклонился и, быстро выпрямившись, пошел впереди султана, как бы возглавляя эту небольшую процессию.

Перед ними бесшумно открывались двери. Стража брала на караул. Пока проходили анфиладами комнат, к ним присоединялись шейх-уль-ислам[5 - Шейх-уль-ислам (тур.) – великий муфтий, глава мусульманской церкви.], визири, советники, паши, чауши. И вскоре уже сотни придворных шествовали за «наместником Бога на земле».

В третьем дворе сераля султану подвели белоснежного красавца коня. Несколько ближайших янычаров мгновенно бросились вперед и, согнув спины, составили живые ступени. Султан взошел по ним и сел в седло.

Раздалась дробь барабанов. Распахнулись ворота второго и первого дворов – и процессия двинулась. Вновь запели зурны, флейты, рожки. Загромыхали тулумбасы. Из тысяч глоток вырвался восторженный крик: «Уй я уй!»[6 - Уй я уй (тур.) – земной бог.]

Первым из ворот Топ-капу вышли четыреста янычаров при всем оружии, в красивой парадной одежде.

Тысячные толпы, запрудившие улицы и площади города, расступались перед ними, освобождая широкий проход. Рослые дюжие янычары грубо отталкивали тех, кто замешкался, своевременно не убравшись с дороги, а некоторых таким тумачком награждали, что зазевавшиеся летели вверх тормашками. Но потерпевшие как ни в чем не бывало вскакивали и продолжали таращить глаза на пышное пестрое и торжественное зрелище.

Янычары из охраны султана выделялись цветастыми шелковыми поясами, разнообразным дорогим оружием, отличались друг от друга головными уборами. У одних они были из белого сукна, у других – желтые, у третьих – синие. А янычарские аги украшали свои уборы яркими перьями, серебром или самоцветами, так и сверкавшими на солнце всеми цветами радуги. Впереди важно шагали старейшие и заслуженные военачальники с золотыми «обручами» и пучками перьев на долбандах[7 - Долбанд (тур.) – высокий головной убор знатных особ.].

За янычарами следовал отряд стражей-силачей. Потом выехали айабаши – конные стражи в серебряных шлемах с золототкаными плюмажами. Они сжимали в руках луки со стрелами.

Вслед за айабаши выехали пышно разодетые чауши султана во главе с чаушбаши. Их резвые кони были покрыты парчовыми попонами, уздечки сияли позолотой, а седла – серебром.

Не успели стамбульские жители насмотреться на чаушей, как появились свирепые на вид скороходы-пайеки, до пояса обнаженные, мускулистые, с

саблями и ятаганами наголо, готовые наброситься на врагов падишаха, как голодные псы. На их головах отливали серебром и позолотой круглые, как короны, шлемы.

И только потом показались знатные вельможи – аги и займы, паши, два кази-аскера, муфтии. На тонконогих арабских скакунах важно восседали визири.

На некотором расстоянии от них шел пешком – так велел обычай и придворный этикет – великий визирь Кара-Мустафа.

За ним ехал падишах.

Грациозный белый конь, распустив пышный хвост, казалось, едва касался копытами земли. Седло, чепрак и вся сбруя на нем сияли золотом, жемчугом и самоцветами.

Ослепленные этим богатством, восклицая «уй я уй», люди не могли оторвать взгляда от коня, который нес на себе «тень Бога на земле», «падишаха всего мира».

Султан Магомет IV, сорокалетний, слегка располневший мужчина с мягким невыразительным лицом, сидел в седле привычно, как прирожденный наездник, – сказывалось пристрастие к верховой езде и охоте. Одежда его была так густо украшена золотом и самоцветами, что могла своим блеском соперничать с самим солнцем. Всеобщее внимание привлекал султанский долбанд с двумя плюмажами, усеянными множеством драгоценных камней, любой из которых стоил поместья.

Вплотную за султаном ехали два бородатых богатыря с саблями на боку, ятаганами, луками и колчанами, заполненными стрелами. Каждый из них держал наготове тяжеленный боздуган[8 - Боздуга?н (тур.) – боевая палица, булава.] с блестящими стальными шипами. Позади шествовали верховные казнадары[9 - Казнада?р (тур.) – казначей, хранитель.] и главный евнух.

От сераля до мечети Сулеймание, у которой султан, спешившись, почтил поклоном память своих предшественников, падишахов минувших времен, и дальше до Ая Софии, где должен был быть совершен еэр халифа – султанский намаз, волновалось необозримое людское море. По мере приближения султана

тысячные толпы с возгласами «уй я уй» падали на колени, а потом вскакивали и лавиной двигались следом за кортежем, топча тех, кто имел неосторожность споткнуться и оказаться под ногами...

3

Когда султан вернулся после намаза в сераль, сошел с коня и удалился в покои мобейна, его многочисленная свита быстро растаяла. Янычары разошлись по своим сейбанам – казармам, придворные вельможи разъехались по домам. Простые горожане, налюбовавшись блистательным зрелищем, торопливо возвращались к своим будничным делам.

Из высших сановников во дворце остались только самые приближенные к султану люди – главный евнух и великий визирь.

Кара-Мустафа, медленно прохаживаясь вдоль окон под развесистыми пальмами, которые были украшением большого зала, злился. Еще бы! Султан не принял его сразу, а велел подождать, пока он немного отдохнет. В другое время великий визирь не стал бы дожидаться, уехал бы и сам отдыхать в Эйюб, но два дела были такими важными, что откладывать их на завтра он никак не мог.

Вот-вот придет, как сообщил чауш, отряд янычар из Немирова. Он привезет гетмана Юрия Хмельницкого и его казну. Султан уже дал согласие отстранить его от власти на Украине, а теперь нужно добиться, чтобы разрешил казнить или заточить в Еди Куле[10 - Еди Куле – крепость в Стамбуле, тюрьма.]. Тогда можно будет беспрепятственно заполучить его богатства.

Кроме того, с Дуная, от будского паши Ибрагима, приехал посланец с новыми сведениями из Вены. Задумав войну с Австрией, Порта давно и пристально следила за каждым шагом венского двора. Эти последние вести тоже следует немедленно сообщить падишаху. Вот почему так нетерпелось великому визирю.

Когда часовая стрелка огромных золоченых часов, стоявших в углу зала на высоком столике, дважды обошла круг, он направился к покоям султана. Навстречу поднялся главный евнух, как верный пес, дежуривший у «порога

счастья».

– Пора! – коротко кинул Кара-Мустафа.

– Я спрошу соизволения, эфенди, – поклонился тот и исчез за дверями.

Через некоторое время он вернулся и, сообщив, что падишах дал согласие выслушать великого визиря, с еще более низким поклоном впустил его в опочивальню султана.

Это была просторная нарядная комната. Султан полулежал на широкой, расшитой по краям серебром оттоманке, а на ковре, у его ног, сидела молодая красивая одалиска, играла на лютне и тихонько напевала итальянскую песенку.

Кара-Мустафа низко поклонился. Одалиска мгновенно прервала пение, опустила на лицо вуаль и удалилась в боковую дверь. Главный евнух тоже вышел.

Султан приподнялся. На его располневшем, холеном лице промелькнуло выражение напускного недовольства и досады.

– Великие визири, вероятно, придуманы Аллахом для того, чтобы султаны не имели спокойной жизни, – сказал он капризно. – Ты напугал эту маленькую итальянскую пташку, и она убежала...

Кара-Мустафа поклонился еще раз.

– Признаю свою вину, мой властелин, но, к сожалению, и у преемника пророка на земле есть обязанности, хотя, не скрою, их значительно меньше, чем у великих визирей... И эти обязанности заставляют меня беспокоить моего падишаха даже в святую пятницу.

Султан в знак согласия кивнул головой.

– Ну ладно, ладно... Рассказывай, что случилось!

– Мой повелитель, – начал тихо Кара-Мустафа, – после победной войны против урусов...

– Эта победа очень дорого мне обошлась, – мрачно перебил его султан. – Пусть в будущем хранит нас Аллах от таких побед!

Великому визирю не понравились слова султана, он сделал вид, что не расслышал их, и вновь повторил то, с чего начал. Но теперь в его голосе зазвучали металлические нотки, которые он иногда позволял себе в разговоре с султаном, когда подсознательно чувствовал, что тот пребывает в состоянии душевной расслабленности и не разгневается на него.

– Мой повелитель, после нашей победы на севере мы сразу же начали готовиться к войне на западе... Сейчас настало время принять решение. От паши Ибрагима есть донесение. Наши разведчики в Австрии сообщают, что венский двор тоже не дремлет... Император Леопольд с благословения папы Иннокентия направил послов в Варшаву к королю Яну Собескому, чтобы договориться о союзе...

– Что? Они все еще хотят подписать договор?

– Да. К ним присоединяются немецкие курфюрсты[11 - Ку?рфюрсты (нем.) – буквально: князья-избиратели. В Священной Римской империи крупные феодалы (имперские князья) являлись непосредственными вассалами императора. Самые влиятельные из них составляли коллегию курфюрстов, имеющих право избирать императора.].

Магомет вскочил с оттоманки. Сообщение взволновало его.

– Мы уничтожим их всех до единого! – воскликнул он. – Мы загоним их всех на галеры! Ведь у Собеского и десяти тысяч воинов не наберется!

– Однако говорят, что он обязуется выставить сорок тысяч.

– Хотел бы я видеть эти сорок тысяч! Откуда он их возьмет? Казна его пуста!

– Зато у папы много золота... Даст Ватикан!

– Гм... ты, кажется, прав... Какое же войско может собрать этот бездельник Леопольд?

– Леопольд, как доносят лазутчики, будто бы обещает будущим союзникам выставить против нас шестьдесят тысяч... Ну а если точнее, то, я думаю, тысяч сорок...

– А курфюрсты?

– Те приведут тысяч двадцать... самое большее – тридцать...

– Ну что ж, тогда мы бросим на Вену вдвое больше! – запальчиво воскликнул Магомет. – И я сам поведу это войско – сотру в порошок Австрию и Ляхистан! Уничтожу проклятых гяуров...

Последние слова султан произнес уже без пафоса, вяло, и великий визирь чуть заметно улыбнулся в бороду, потому что знал: запальчивости падишаху хватает ненадолго.

– Мы должны разбить их, прежде чем они объединятся, мой повелитель, – почтительно, но твердо сказал великий визирь. – Я уже послал Ибрагим-паше приказ склонить на нашу сторону Текели...

– Правильно сделал.

– И подтягиваю войска к столице, чтобы наияснейший падишах, как только сочтет нужным, мог направить их на врага. На днях соберем диван – сообщим высочайшее решение.

– И это правильно... Что еще?

Кара-Мустафа понизил голос:

– Мой могущественный повелитель, светоч божественной мудрости, тот презренный гяур, гетман Юрий Ихмельниски, как я докладывал, оказался недостойным высочайшего доверия...

– Что он такое натворил?

– Верные люди доложили: его шурин, полковник Яненченко, находится сейчас в Ляхистане и ведет там тайные переговоры с коронным гетманом Яблоновским[12 - Станислав Яблоновский – коронный гетман Воеводства Русского, так называлась тогда Галиция.], а может, и с самим королем. Подозреваю, что переговоры с нашими врагами за нашей спиной – это...

Великий визирь выдержал паузу, прежде чем закончить, но гнев уже охватил султана.

– Гяур! Собака! Смерть для него – не самое тяжкое наказание!

– Истинно так, славный повелитель трех континентов... Я велел схватить негодяя. Прикажешь повесить?

Султан задумался.

– Повесить?.. Гм... это проще всего... Но для чего торопиться? Нет, лучше спровадь его в подземный каземат Еди Куле! – И, немного помолчав, спросил: – А кто же теперь будет править Украиной?

Кара-Мустафа хитро прищурился.

– Мы сделали ход конем... как в шахматах, мой повелитель...

– Что именно?

– Я приказал правителю Афлака[13 - Афлак (тур.) – Валахия, феодальное княжество между Карпатами и Дунаем.] Дуке купить у нас этот обширный и благодатный край, и ему не осталось ничего иного, как открыть свои сундуки, которые трещат от золота. Мы получим немалые деньги и покроем значительную часть затрат на предстоящую войну...

– Ты это ловко придумал... Ха-ха-ха! Так вытрясти карманы старого афлакского скупердя! Ха-ха-ха! – хохотал султан. – И как это пришло тебе в голову?

– Когда государственная казна пустеет, то поневоле становишься ловким и хитрым, как сам шайтан.

– Ну, и что же он? Долго сопротивлялся?

– Представь себе, яснейший, – нет... Видимо, польстился на безграничные просторы Правобережной Украины... Сразу же велел перенести резиденцию тамошнего правителя из Немирова в Печеру, что в Брацлавском полку, а в Чигирин назначил полковником какого-то казака Гримашевского...

– Ладно, пускай хозяйничает... Но дай ему понять, что джизье[14 - Джизье (тур.) – подушный налог с немусульман.] в Валахии теперь увеличится вдвое... И чтобы платил исправно! Кроме того, к весне пусть выставит десять тысяч конных воинов с обозом и приведет их под Белград!

– Мой повелитель мудро решил, – склонился в поклоне Кара-Мустафа. – Правитель Афлака выполнит этот приказ, я позабочусь об этом.

– У тебя все?

– Все, мой повелитель. Позволь удалиться?

– Иди!

Кара-Мустафа еще раз поклонился и попятился к дверям: придворный этикет не позволял подданным падишаха поворачиваться к нему спиной. Но когда он протянул назад руку, чтобы открыть дверь, султан остановил его:

– Подожди, Мустафа!

Великий визирь поклонился.

– Подойди сюда! – приказал Магомет и, когда Кара-Мустафа вновь приблизился к нему, спросил, пристально глядя ему в глаза: – До меня дошли слухи, что в твоём гареме зацвела «райская роза»... Правда ли это?

– Что мой повелитель имеет в виду?

– Ну как же! Говорят, такой красавицы и в султанском гареме нет!

Кара-Мустафе стоило больших усилий скрыть охватившее его волнение. Он сразу понял, о какой красавице спрашивает султан.

– Злые языки преувеличивают, мой богоданный повелитель, – сказал Кара Мустафа. – Действительно, в моем гареме есть несколько новых... но чтобы они сравнились с красавицами султанского гарема! Не верится мне... Нет, не могу догадаться, о которой из них идет речь. – И он смело посмотрел на султана.

– Ту пленницу привезли тебе из Камениче.

«Он таки знает все, – пронеслось в голове Кара-Мустафы. – Интересно, кто это из моих людей соглядатай султана? Дознаюсь, выжгу глаза собаке и вырву язык!»

Вслух же он произнес:

– А-а, теперь мне все ясно... Такая девушка есть! Хорошенькая. Тебя, мой повелитель, не обманули, когда описывали ее красоту... И все же среди роз султанского гарема она оказалась бы обыкновенным полевым цветком.

– Так это чудесно! – воскликнул Магомет. – Розы колючи и, несмотря на свою красоту, быстро надоедают. Менее яркие полевые цветы порой милее нашему сердцу... Не так ли?

Кара-Мустафа прекрасно понимал, к чему клонит султан, и не посмел на этот раз возражать. Хотя Магомет говорил, как казалось, милостиво и доброжелательно и ничего прямо не требовал, за внешней его мягкостью скрывалась мстительная и завистливая натура – из-за одного неосторожно сказанного слова султан мог вспыхнуть в любую минуту. А сейчас, накануне похода на Австрию, на который великий визирь возлагал такие большие и честолюбивые надежды, он опасался осложнить свое положение. Поэтому смиренно поклонился и, подавляя досаду, с приветливой улыбкой сказал:

– Бесспорно так, хранитель мудрости пророка! Настанет время – и этот скромный полевой цветок расцветет пышно, как драгоценнейшая роза. Тогда рука преданного слуги преподнесет его тебе во всей непорочной красе! Думаю, это будет лучшим подарком моему повелителю в тот день, когда презренные, обуреваемые гордыней гяуры падут под ударами сабель непобедимых воинов

нашего грозного хондкара[15 - Хондкар (тур.) – один из титулов султана, говорящий о его неограниченной власти. Дословно – человекоубийца.], величайшего завоевателя всех времен!

Лицо султана прояснилось: он любил лесть.

– На все воля Аллаха! Я всегда знал тебя, Мустафа, как моего преданнейшего слугу... Можешь идти!

4

На галере, когда в лицо подул свежий морской ветерок и слуги подали на верхнюю палубу кувшин холодного шербета, Кара-Мустафа постепенно начал успокаиваться.

Собственно, что произошло? Ведь все складывается как нельзя лучше! Султан поручил ему готовить войско для большой войны в Европе и, можно не сомневаться, назначит на время похода сердаром, так как у самого вряд ли хватит сил и желания нести тяготы военного похода. А это – верный путь к осуществлению его мечтаний и намерений! Пусть Магомет думает, что поход готовится для возвеличивания его особы. Ха-ха! Зазнавшийся мальчишка! Нет, он, Мустафа, не настолько глуп, чтобы, стоя у руля империи, не позаботиться о себе, о своем и своих потомков будущем! Не был бы он достоин рода Кеprüлю, если бы, став великим визирем, не мечтал о большем – о троне падишаха или короне императора! И первый успешный шаг на этом пути сделан.

Удалось также без осложнений избавиться от Юрия Хмельницкого. Казна украинского гетмана существенно пополнит казну великого визиря. Чего еще желать?

Правда, беспокойство терзает сердце из-за красавицы невольницы, о которой проведал султан... Это, конечно, очень неприятно. Да, султаны, как и все смертные, любят подарки. Было бы неосмотрительно не понять намека... Видно, придется подарить девушку, хотя красота ее пленила его самого.

Тьфу, шайтан! Как скверно получилось! И все из-за какого-то султанского соглядатая.

Кара-Мустафа начал мысленно перебирать своих слуг, охранников, чаушей, советников: кто из них стал глазами и ушами султана в его доме? Но вскоре оставил эту пустую затею – людей, окружавших его, так много, что он не смог припомнить и половины их.

Возвратившись в Эйюб, великий визирь прежде всего позвал старшего евнуха.

В комнату вкатился невысокий толстяк в бархатной одежде, мягких, расшитых серебром чувяках и в белоснежной чалме. Приблизившись, он с трудом согнул в поклоне короткий бочкообразный стан и молча уставился на своего повелителя.

«Неужели он – султанский глаз?» – подумал великий визирь и произнес:

– Ну, как она, кизляр-ага?[16 - Кизляр-ага – девичий начальник, евнух-надсмотрщик.]

– Все то же, эфенди... Сегодня ее осматривал Пьетро-ага, лекарь-итальянец. Говорит, девушка здорова телом, но больна душой.

– Ох уж этот мне римлянин!

– Пьетро-ага – чудесный лекарь, эфенди, – мягко возразил кизляр-ага. – Всем это известно... К тому же он читает будущее по звездам...

– Но у него слишком доброе сердце! Он всех жалеет... Особенно рабов.

– Это понятно: он долгие годы сам был рабом.

– Ну хватит, тебя не переговоришь... Веди меня к ней!

– Прошу, эфенди... Девушка все тоскует, отказывается принимать пищу – по-видимому, хочет уморить себя голодом... День и ночь ее стережет старая Фатима...

Они спустились по мраморным ступеням на первый этаж, и кизляр-ага провел Кара-Мустафу в комнату пленницы.

У окна на диване сидели две женщины – старая и молодая. Увидев великого визиря, они мигом вскочили и застыли в низком поклоне.

Кизляр-ага качнул головой:

– Фатима, иди за мной!

Старуха быстро вышла. Молодая попыталась задержать ее, но тут же, гордо выпрямившись, смело взглянула на Кара-Мустафу.

Это была Златка.

Как она изменилась за время, проведенное в неволе! Если бы ее смог сейчас увидеть Арсен, ее возлюбленный, навеки утраченный Арсен, то не сразу узнал бы девушку.

Одетая в роскошные шелка, обутая в расшитые золотыми и серебряными нитками башмачки, только что вышедшая из гаремной бани, где в подогретую воду льют розовое масло, от чего кожа приобретает нежность и аромат роз, она показалась бы ему еще красивей, но вместе с тем и чужой. Арсен заметил бы, как она осунулась, что под глазами залегли тени, придавшие ее личику томную привлекательность, высоко ценимую во дворцах здешних вельмож, но которая совсем не к лицу красавицам Старой Планины или украинской степи.

Кара-Мустафа, любясь девушкой, подумал о том, что красавицу прислал ему Юрий Хмельницкий, а он его одним жестом выбросил из жизни, как мусор на свалку, но тут же отогнал это воспоминание. Стоит ли тревожить себя из-за какого-то тщедушного гетмана-гяура? Совсем другое дело – собственные чувства.

А чувства эти вот уже которую неделю волнуют его. Смешно сказать: он влюбился как мальчишка! С тех пор как в Эйюбе появилась эта девушка, великий визирь утратил покой. Сначала думал, что Златка станет одной из многих сотен одалисок его гарема, к которым Кара-Мустафа был совсем равнодушен. Но когда

неожиданно получил отпор и услышал угрозу, что она покончит с собой, если только он осмелится ее коснуться, сердце Кара-Мустафы вдруг запылало юношеским огнем, и он понял: это серьезно.

Любовь и радовала его, ибо он почувствовал, что еще достаточно молод и полон страсти, и злила, ибо упрямица и слушать не желала его признаний. А потом – заболела...

Великий визирь таил свои чувства от всех. Догадывались о них только старуха Фатима да кизляр-ага. Ну и, конечно, знала Златка...

От его зоркого взгляда не скрылось, что за последнее время девушка изменилась. Вместо обреченности и страха в ее глазах светилась отчаянная решимость, а в плотно сжатых устах и гордо поднятой голове угадывалась сильная воля.

О Аллах экбер! [17 - Аллах экбер (тур.) – великий Аллах.] И такую нежную, как весеннее утро, и гордую, подобную царевне, красавицу отдать султану? Чтобы она стала его кадуной? [18 - Каду?на (тур.) – жена султана, которую он выбирает себе из чужеземных рабынь. На турчанках султаны, как правило, не женились.] Ни за что!

Нет, он не уничтожит свое счастье собственными руками! Во что бы то ни стало обхитрит султана и не отдаст ему эту девушку! А когда сам станет султаном страны Золотого Яблока, тогда... Тогда он сделает ее своею бах-кадуной, то есть первой женой, а еще лучше – императрицей... Вступит с нею в законный брак в венском соборе Святого Стефана, который после завоевания Вены будет превращен в мечеть Ая Стефано, и у них родится шах-заде, принц, наследник престола. Так он положит начало новой династии. Династии Кеprüлю! Не великих визирей Кеprüлю, а императоров!

Но пока это свершится, пока на голове еще не сияет императорская корона, нужно быть хитрым и осмотрительным, чтобы эти мысли не узнала ни одна собака! А с султаном надо вести тонкую игру до последнего дня, и главным козырем в этой игре станет теперь прекрасная пленница! Как хорошо, что ему пришло в голову дать султану такое туманное обещание: подарить девушку после победы над гяурами! Значит, у него достаточно времени, чтобы маневрировать и сохранить Златку для себя... Хотя в любой день можно ждать

нового напоминания султана – тогда придется пожертвовать своими чувствами и отправить пленницу в султанский гарем. Но до этого, хотелось бы надеяться, далеко!

Он еще раз внимательно посмотрел на девушку. «Да, лекарь Пьетро правильно определил ее болезнь: у нее болит душа. Однако издавна известно, что душу лечат не травами, не мазями и даже не целебными водами, а временем и добрым словом».

Златка в напряженном ожидании не сводила с него тревожного взгляда. Она была прекрасна. «Действительно, как нежный полевой цветок...»

Кара-Мустафа сдержал вздох. Аллах экбер, если б не султан!..

Златка по-своему расценила мысли и чувства великого визиря, которые невольно отразились на его лице, и отступила на шаг.

– Не бойся меня, птишка. Я не причиню тебе зла, – ласково произнес Кара-Мустафа, делая шаг вперед.

– Я не боюсь. Аллах защитит меня, – с вызовом бросила Златка.

– Не Аллах, а я, красавица... Я защищу тебя от всего злого на свете! Я властен творить добро и зло. Это ты понимаешь?

– Понимаю. Тогда сделай добро – отпусти меня...

Кара-Мустафа улыбнулся.

– Глупышка, нигде тебе не будет лучше, чем здесь. Сколько красавиц со всех стран мира сочли бы за честь и счастье поселиться в моем доме!

– Я не соглашусь быть наложницей даже самого падишаха! – Златка гордо выпрямилась, и в ее голосе прозвучала такая твердость, что Кара-Мустафа удивился.

– Будто у тебя есть выбор!

– Да, у меня есть другая возможность...

– Какая же?

– Смерть... Я не раз говорила тебе об этом!

– Смерти никто не минует... Но такой молодой и красивой девушке нужно еще долго жить. Жить в роскоши, в любви. И все это тебе могу дать только я!

– Роскошь – да, любовь – нет.

– Почему?

– Я не люблю тебя и никогда не полюблю!

Кара-Мустафа разгладил пальцами, украшенными драгоценными перстнями, черную бороду. Давно он не слышал, чтобы кто-нибудь, если он в здравом уме, перечил ему или говорил неприятное. А вот эта девчонка посмела! Ее откровенная отповедь больно ударила по его самолюбию. Однако он сдержался, решив, что обижаться на нее – то же самое, что гневаться на пышную розу, уколотившую тебя колючкой.

– Я подожду, пока ты изменишь свое отношение ко мне, – тихо сказал великий визирь. – Месяц, два... год...

– Этого не случится вовек! Не надейся!..

По лицу Кара-Мустафы пробежала тень.

– Смотри, как бы я сам не разлюбил тебя.

– Что же будет тогда?

– Лучше не говорить о том, что станет с тобой...

– Ты прикажешь убить меня?

– Нет, зачем же. Просто я подарю тебя человеку, который тебя не любит.

Златка задумалась. Потом сказала:

– Спасибо за откровенность, эфенди... Значит, я имею время на размышление?

– Да.

– Хорошо, я подумаю, а ты мне не досаждай!

– Ты злоупотребляешь моей добротой! – воскликнул задетый за живое Кара-Мустафа. – Помни, даже у влюбленного терпение может иссякнуть!

Златка ничего не ответила. Она понимала, что находится в безвыходном положении: освободиться от пут великого визиря нет никакой возможности. Не могла она рассчитывать и на то, что Арсен, отец или брат найдут ее здесь. Но любому человеку, в каком бы тяжелом положении он ни находился, свойственно уповать на лучшее. И она надеялась, а надеясь, боролась. Боролась за жизнь, за честь, за будущее...

Кара-Мустафа прошелся по комнате, окинул взглядом вещи, которыми по его приказу кизляр-ага окружил эту строптивую пленницу. Здесь были десятки мелочей, к которым женщины очень быстро привыкают и потом не представляют свою жизнь без них.

Он остался доволен. Пройдет время – и Златка тоже привыкнет ко всему. К изысканной пище и лакомствам, к дорогой одежде, ко всяким фонтанчикам, пальмам, мягким оттоманкам, к зеркалам в позолоченных рамах и баночкам с ароматными мазями и духами. А привыкнет – и сама не захочет никуда уходить отсюда.

Точно так же привыкнет она и к нему, совсем еще не старому и, как он думал, красивому мужчине. А тогда...

Златка следила за каждым жестом великого визиря, за его непроницаемым лицом – а им он за долгие годы жизни при султанском дворе научился владеть мастерски – и ничего угрожающего для себя не заметила. Наоборот, его взгляд был скорее ласковым, чем враждебно-грозным.

– Может, у тебя есть какая-нибудь просьба, Адике? Говори, и твое желание будет сразу же исполнено, – тихо произнес Кара-Мустафа.

– Нет.

– Если появится, скажи Фатиме. Она доставит тебе все, что ты пожелаешь... Поверь мне, великий визирь, перед которым трепещут многие народы и державы, рад лишний раз увидеть тебя, райский цветок, и удовлетворить самое трудноисполнимое твое желание!

Последние слова Кара-Мустафа произнес с искренним чувством. Но ответ Златки был сдержан:

– Спасибо. Мне ничего не нужно.

Кара-Мустафа взглянул на нее и, не прощаясь, медленно вышел из комнаты.

Златка продолжала молча стоять, словно ожидая, что великий визирь может вернуться. Но его шаги, глухо отдаваясь под высокими сводами, затихали вдали. И когда их совсем не стало слышно, девушка сразу как-то увяла, плечи ее опустились, из груди вырвался тяжелый стон. Она протянула перед собой руки и в отчаянии воскликнула:

– Арсен! Любимый мой! Пропаду я здесь, навеки пропаду!..

И, забившись в глухих рыданиях, бросилась ничком на покрытую мягким ярким ковром тахту.

В Эйюб, усадьбу великого визиря, отряд янычар Сафар-бея, – как вновь стал называть себя Ненко, – прибыл в полдень и расположился на внешнем дворе. Оставив возле повозок с военным снаряжением, казной гетмана и возле самого гетмана небольшую охрану, голодные янычары кинулись к кухне, чтобы чем-нибудь поживиться.

Сафар-бей и Арсен, отряхнув с себя дорожную пыль и умывшись прохладной водой из колодца, направились к покоям великого визиря.

Арсен не был уверен, что ему следует появляться перед Кара-Мустафой, но Сафар-бей настоял.

– Нужно узаконить твое пребывание в моем отряде. И лучше всего, если это сделает сам Кара-Мустафа.

– А если нам это не удастся?

– Ну и что? Одно то, что ты был на приеме у великого визиря, поднимет тебя в глазах янычар и свиты визиря так высоко, что никому и в голову не придет спросить когда-нибудь, кто ты и откуда.

– Вдруг он узнает меня и вспомнит, что это я под Чигирином читал ему письмо Сирко?

– Это было так давно, – возразил Сафар-бей. – Неужели ты думаешь, что он помнит какого-то там казака-уруса? Перед ним каждый день проходят десятки, если не сотни, новых лиц... Он, скорее, вспомнит нашу с ним встречу в Каменце. А это будет только к лучшему.

– Может, ты и прав, – тяжело вздохнув, согласился Арсен. – Не думай, что я боюсь... Чувствует мое сердце, что наша Златка где-то здесь... Совсем близко... И теперь, когда мы добрались сюда, чтобы вызволить ее, было бы совсем некстати попасть впросак.

– Я с тобой согласен. Будем надеяться на лучшее. Об одном хочу напомнить и предостеречь тебя...

– О чем?

– Забудь здесь мое настоящее имя. Даже находясь наедине со мной, не называй меня Ненко. Такая оплошность может оказаться для нас роковой. Зови Сафар-беем!

Арсен невесело улыбнулся:

– Понял, Сафар-бей. И не забуду.

– Вот и хорошо. А теперь – идем!..

Они открыли тяжелые крашеные двери и вошли в просторную приемную дворца. Навстречу им торопился дородный высокий капуджи-ага – начальник телохранителей-янычар. Внимательно выслушав Сафар-бея и приказав подождать, он исчез в глубине коридора. А когда спустя некоторое время вернулся, повел прибывших за собой.

Кара-Мустафа сидел в глубине кабинета за столиком с вычурными золочеными ножками и что-то писал. Закончив, присыпал написанное песком и только тогда поднял голову.

– Подойдите поближе! – Голос его прозвучал холодно, резко. – А ты, капуджи-ага, выйди!

Тот бесшумно скрылся за дверями. Сафар-бей с Арсеном сделали несколько шагов вперед и низко поклонились.

– Вы прибыли из Камениче? – спросил Кара-Мустафа.

– Нет, великий визирь, славный защитник трона падишаха, мы прибыли из Немирова, – ответил Сафар-бей.

– Гетмана Ихмельниски привезли?

– Да, великий визирь.

– А... – Кара-Мустафа помолчал, словно раздумывал, говорить дальше или нет.

Догадливый Сафар-бей поклонился.

– Казну гетмана тоже привезли, великий визирь, – сказал он тихо, но четко.

Кара-Мустафа удовлетворенно кивнул.

– Это хорошо! – И, внимательно присматриваясь, добавил: – Мне кажется, я уже видел вас обоих где-то... Или тебя одного, чорбаджи, – указал он на Арсена. – Вот только не припомню где...

– В Камениче, великий визирь, – поклонился Арсен. – Это было прошлым летом, у паши Галиля... Мы тогда привезли из Немирова известие о том, что гетман Ихмельниски послал своего родича, полковника Яненченко, в Ляхистан...

– А-а, припоминаю...

Кара-Мустафа слегка прикрыл глаза. Он действительно сразу вспомнил этих молодых чорбаджиев: разговор с ними и навел его на мысль сместить Юрия Хмельницкого и завладеть его богатством.

– Я рад видеть вас. – На лице великого визиря появилось подобие улыбки.

Чорбаджии снова поклонились. А Сафар-бей спросил:

– Что великий визирь прикажет сделать с гетманом и его казной? Может, сам желает посмотреть?

Кара-Мустафа встал, подошел к чорбаджиям.

– Как тебя звать?

– Сафар-бей, эфенди.

– А тебя? – повернулся к Арсену.

– Асен-ага.

– Я доволен вами, – похвалил Кара-Мустафа. – Хотели бы вы оба служить у меня? Такие толковые и смелые воины мне нужны! Вот ты, – он указал на Сафар-бея, – был бы моим чауш-агой, а ты, Асен-ага, – чаушем...

– Мы рады служить великому визирю, защитнику трона падишаха!

– Ладно. О вас позаботятся... Теперь пошли к обозу! – И Кара-Мустафа первым направился к выходу.

Шагая позади великого визиря, друзья молча переглянулись. Сафар-бей даже подмигнул: мол, все идет хорошо!

Миновав анфиладу комнат, где у каждой двери стояло по два молчаливых стража, спустились вниз, в приемную, и вышли во двор. За ними следовали капуджи-ага с телохранителями.

Великий визирь в своем белоснежном длинном одеянии шел плавно и легко, напоминая гордого лебедя, плывущего по спокойной поверхности пруда.

Вдруг сбоку, совсем рядом, послышался звон разбитого стекла и вслед за этим раздался отчаянно-болезненный девичий крик.

– А-а-а!..

Кара-Мустафа вздрогнул и остановился.

Остановились и сопровождавшие его чорбаджи.

Крик этот ударил Арсена в сердце, как стрела, – он узнал голос Златки.

Казак побледнел и повернулся в сторону башни, примыкающей ко дворцу. Из разбитого окна, прижавшись лицом к решетке, выглядывала Златка. Она вцепилась в толстые железные прутья и не замечала, как из порезанной руки тонкой струйкой стекала к локтю кровь.

– Кизляр-ага! Джалиль! Я прикажу вырвать тебе язык, паршивый шакал! – крикнул Кара-Мустафа. – Почему не следишь за девушкой? Что там делает Фатима, эта старая ведьма?

Из-за плеча Златки выглянуло перепуганное желтое лицо евнуха. Он пытался оторвать руки девушки от решетки. Рядом суежилась старуха. Но Златка держалась крепко, не обращая внимания на то, что кровь уже окрасила плечи и грудь.

– Мы сейчас все устроим, яснейший мой эфенди, – бормотал кизляр-ага. – Сейчас, сейчас поможем ей... Только бы она не сопротивлялась... О Аллах!

А Златка тем временем не сводила взгляда с Арсена и Ненко. В нем были мольба и просьба о спасении. Но ни одно слово, которое могло бы раскрыть перед великим визирем ее отношения с этими двумя молодыми чорбаджиями, не слетело с губ девушки. Самообладание, к счастью, не оставило Златку.

Наконец Джалилю и Фатиме удалось оторвать Златкины руки от решетки и оттащить девушку от окна. Из комнаты доносились причитания и оханья Фатимы.

Арсен весь дрожал от возбуждения. Но, стиснув зубы, сдерживал себя, понимая, что достаточно лишь неосторожного движения, чтобы вызвать подозрение великого визиря и погубить все. К тому же Сафар-бей сильно, как тисками, сжал его руку выше локтя, предупреждая о молчании.

Кара-Мустафа, углубленный в свои мысли, постоял у разбитого окна, а потом, как показалось Арсену, чуть заметно вздохнул и медленно пошел по дорожке, усыпанной перемытым морским песком. О происшедшем он не обмолвился ни словом.

На внешнем дворе великий визирь сразу же подошел к тому возу, где под охраной янычар сидел в тени Юрий Хмельницкий.

Вид у бывшего гетмана был жалкий. Похудевший, запыленный, в стоптанных в дальнем пути сапогах и в выцветшем на солнце жупане, он безучастно уставился неподвижным взглядом в землю, ничего не замечая вокруг.

Но стоило ему увидеть перед собой великого визиря, равнодушие и усталость его как рукой сняло. Глаза заблестели радостью, в них загорелись живые огоньки. Он быстро встал, кинулся к Кара-Мустафе, заговорил по-турецки:

– О мой наияснейший повелитель, я несказанно рад, что мой горестный, невольничий путь перекрестился с твоей светлой дорогой, и я смею надеяться на твою благосклонность и твое заступничество!

Кара-Мустафа брезгливо поморщился.

– Ну, что скажешь, Ихмельниски?

– Великий визирь, прошу помиловать меня и спасти из этого нестерпимого положения! Я ни в чем не повинен... Меня оболгали перед пашой Гилилем мои тайные враги... И паша Галиль, не разобравшись, приказал схватить меня и, как татя, отправить в Стамбул.

– Это султан приказал схватить тебя, Ихмельниски! – сурово произнес Кара-Мустафа. – Султан!

Юрий побледнел, нижняя челюсть с редкой черной щетиной отвисла.

– С-султан?! 3-за что? – пробормотал он запинаясь.

– За то, что ты хотел переметнуться на сторону Ляхистана, неверная собака!

– Я? Бог мне свидетель! И в мыслях не имел такого!

– Не ври, гяур! У меня достоверные сведения! К тому же мои лазутчики из Львова донесли, что полковника Яненченко, которого ты так неосмотрительно послал туда, коронный гетман Яблоновский приказал расстрелять за какое-то преступление. Вероятно, не поверил твоим лживым обещаниям. И правильно

сделал.

Смертельный ужас обезобразил лицо Хмельницкого. Он позеленел. Серые пепельные губы дрожали, как у сильно перепуганного ребенка.

– Но в-все б-было н-не так! – взвизгнул он. – Яненченко сбежал от меня! Я бы сам застрелил его, как бешеную собаку!

– И потом, – не слушая гетмана, продолжал неумолимый Кара-Мустафа. – Ты, ничтожный, не оправдал надежд падишаха! Тебе вручили половину Украины, с тем чтобы ты собрал войско и завоевал другую половину, которой до сих пор владеет царь урусов. Но ты не только не сделал этого, не только не сумел собрать войска и перетянуть на свою сторону разбойников-запорожцев, но утратил и то, что доверил тебе падишах! От тебя, как от чумы, разбежались все твои подданные! Неужели ты думаешь, что блистательной Порте нужны такие правители в ее владениях?

– Смилуйся, великий повелитель правоверных! – чуть слышно лепетал Юрась, и его плечи безвольно опускались все ниже и ниже. – Прости раба своего никчемного, всемогущий повелитель!

– А ты и есть никчемный... Не юродствуй! Не наделяй меня титулами падишаха! Не надейся лживыми словами тешить мою гордыню и этим добиться себе прощения... Нет, прощения тебе не будет! – Кара-Мустафа хлопнул в ладоши, и тут же возле него появился капуджи-ага. – Немедленно взять этого человека, отвезти в Стамбул и бросить в Еди Куле! В одиночку!

– Великий визирь, стой! Дай мне сказать еще... Я готов быть прахом у твоих ног, только не запирай меня в сырой и темный каземат! Я вдосталь намучился в Польше, в Мариенбургском замке... Вспомни, что я не только воин, но и улем, духовное лицо. Я был в Стамбуле архимандритом. Так отошли меня опять в православный монастырь – архимандритом, простым монахом, служкой... кем угодно... Только не в Еди Куле! Аллахом заклинаю тебя! Я верно служил тебе, был твоим соратником в Чигиринской войне, какие подарки посылал... и среди них – красавицу, какой и у самого султана, пожалуй, нет...

Последние слова будто ужалили Кара-Мустафу. Его глаза гневно вспыхнули.

– Ты еще смеешь напоминать мне о подарках, подлец! Ты недостойн целовать следы моих ног за то добро, которым я оделял тебя и которого ты вовсе не заслуживал! Прочь с глаз моих! Стража, взять его!

Юрась не успел и глазом моргнуть, как его схватили и потащили со двора.

Арсен долго смотрел ему вслед, пытаясь найти в сердце хотя бы каплю жалости к поверженному врагу, но, кроме омерзения, не чувствовал ничего. Он был твердо уверен, что именно Юрась Хмельницкий – виновник не только его личного горя, но и горя всенародного, виновник гибели дела Богдана. Это на его черной совести десятки тысяч загубленных жизней, разрушение и запустение Правобережья, уничтожение семнадцати правобережных казачьих полков. Нет, не должно быть сострадания к нему. По делам злодею и мука!

Из задумчивости Арсена вывел голос Кара-Мустафы:

– Так где же казна этого негодяя? Показывайте!

Сафар-бей и Арсен откинули полог крытого воза. Там стоял небольшой, окованный железными полосами дубовый сундук с ручками. Они поставили его на землю и вопросительно посмотрели на великого визиря. Что дальше?

– Несите за мной! – приказал Кара-Мустафа и направился ко дворцу.

Однако он повел их не к главному входу, а к маленькой дверце, за которой был ход в подземелье. Евнух-казнадар отомкнул тяжелый массивный замок, зажег свечу и первым стал спускаться вниз.

Вскоре они оказались в совсем пустой небольшой комнате с низким сводчатым потолком. В противоположной стене виднелась еще одна дверь с замком, но казнадар не торопился ее открывать.

– Оставьте сундук здесь, – приказал Кара-Мустафа. – А сами ступайте на кухню – там вас покормят.

– Благодарствуем, эфенди. – Оба низко поклонились и вышли из подземелья.

Наконец-то они остались одни, облегченно вздохнули и посмотрели друг другу в глаза.

– Ну как? – спросил Сафар-бей. – Кажется, начало у нас в Эйюбе прошло удачно.

– Да, не ожидал такого! Никак не думал, что сразу предстанем пред очи великого визиря и он возьмет нас к себе на службу. Но менее всего я мог надеяться в первый же день увидеть Златку...

– Это она увидела нас и разбила окно, чтобы дать нам знать о себе, – сказал Сафар-бей.

– Бедная Златка! – вздохнул Арсен. – Как она измучилась, сколько горя перенесла... Ну, теперь ей недолго здесь томиться. Вырву из-за решетки – и домой!

– Какой ты быстрый, все у тебя просто...

– Я уже осмотрелся немного... О том, чтобы напасть на дворец, перебив охрану, нечего и помышлять. Остаются две возможности...

– Какие?

– Или выломать решетку на окне, когда все уснут, или ждать счастливого случая. Не могут же Златку держать все время под замком? Выпускают ее, наверное, на прогулку? Тогда и выкрадем!

– Все это, Асен-ага, только предположения, – серьезно сказал Сафар-бей. – Жизнь сама подскажет, как лучше поступить. Во всяком случае, торопиться не следует. Как у вас говорят, поспешишь – людей насмешишь!

– Я согласен с тобой, Сафар-бей, – глухо отозвался Арсен. – Только не уверен, выдержу ли я... Вот пойду и убью Кара-Мустафу!

– И погубишь нас всех – и Златку, и себя, и меня! – строго глянул на друга Сафар-бей. – Даже думать об этом не смей!

– Если он сделает ее своей наложницей, я убью его! – упрямо повторил Арсен. – А там – будь что будет!

– Ну и дурак! – вспыхнул Сафар-бей. – Я считал тебя умнее!

– Легко тебе говорить, Ненко. А мне... Каково мне!

– Не Ненко я, а Сафар-бей! Слышишь – Сафар-бей, шайтан тебя заberi! – прошипел чауш-ага. – И не забывай об этом!

– Прости... Сорвалось....

– Ладно, друг... И еще тебе скажу: возьми себя в руки! Крепись! Мне тоже нелегко. Ведь Златка – сестра моя!

– Это совсем другое...

– Опять ты за свое... Раскис, как девица. А ведь у нас, кроме освобождения Златки, здесь есть еще одно большое дело! И если нам удалось попасть сюда, в окружение великого визиря, то мы обязаны воспользоваться этим с наибольшей выгодой для тех, кто ждет наши сообщения, – для моего отца, для твоих друзей...

Арсен сжал кулаки. Он уже мысленно ругал себя за минутную слабость, а вслух произнес:

– Ты, конечно, прав, Сафар-бей. Если Кара-Мустафа не прихлопнет нас, чтобы избавиться от нежелаемых свидетелей его лиходейства, мы освободим Златку. Понятно, с Кара-Мустафой нужно быть настороже, это не Гамид, не Чернобай и даже не Юрась Хмельницкий... Такого врага у меня еще не было! Обхитрить, обвести вокруг пальца самого великого визиря и, если удастся, свалить его – это, скажу я тебе, дело серьезное!

– Да, не легкое, – отозвался Сафар-бей. – Если в Немирове мы с тобой попали в осиное гнездо, то здесь ворвались прямо в логово льва! Но у нас все же есть некоторое преимущество...

– Какое?

– В этом логове мы появились под видом друзей. И до тех пор, пока нас не раскроют, можем надеяться на успех!

Арсен с Сафар-беем подошли к кухне, приземистой кирпичной постройке. Оттуда, навстречу им, вывалилась гурьба разомлевших от горячей пищи янычар.

7

Златка сидела на тахте и с каменным лицом смотрела, как Джалиль и Фатима суетятся вокруг нее, перевязывая раны на руке, а сердце ее бушевало от радости.

«Конечно, Арсен и Ненко прибыли сюда не случайно, а узнав, что я здесь... Значит, Арсен не забыл обо мне! Нашел свою Златку! Сколько же препятствий и опасностей им пришлось преодолеть, чтобы добраться до Стамбула, а затем попасть в усадьбу самого Кара-Мустафы! Как вовремя я сообразила, что нужно немедленно дать о себе знать, иначе они, может статься, не сумели бы найти меня в моей роскошной тюрьме во дворце великого визиря. Только увидела их в окно – стукнула рукой по стеклу и закричала... И хорошо, что не окликнула никого по имени, а то навлекла бы подозрения Кара-Мустафы и его охраны. Лишь прижалась лицом к решетке... И Арсен увидел! И Ненко тоже. С каким удивлением и испугом смотрел на меня Кара-Мустафа. Надеюсь, что он ничего не понял. А как Джалиль и Фатима перепугались. Они считают себя виновниками случившегося. Брызнувшая из моей руки кровь совсем доконала их. Теперь они трепещут в предчувствии наказания за то, что недосмотрели за мной... Ну что ж, я успокою их: съем все, принесенное ими. Пусть убираются отсюда... Чтобы не заметили в моих глазах радость, которую я не в силах больше таить...»

Фатима, закончив перевязывать Златке руку, затянула узел и печально покачала головой:

– Глупенькая! Зачем ты это сделала? И себе причинила боль, и нам теперь достанется...

– Ничего, Фатима, – сказала Златка. – Мне уже не больно. И я, кажется, хочу есть...

У старой служанки и у евнуха расцвели лица. Они ждали, что капризная красавица будет кричать на них, как делала это уже не раз, топтать ногами, выталкивать из комнаты... А тут вдруг такое... Если Аллах не помутит разум этой девицы, то она, чего доброго, и заступится за них перед великим визирем...

Фатима, подавая еду, совсем уж было собралась намекнуть ей об этом, но Златка приказала:

– А теперь – уходите! Я хочу остаться одна... Поем и лягу отдыхать... И чтоб не тревожили меня!

Джалиль и Фатима торопливо вышли из комнаты.

Златка подождала, пока их шаги затихнут вдали, а потом упала на тахту, и из глаз ее полились слезы радости. «Арсен мой, любимый! Ты опять близко от меня! Как я счастлива! Теперь мне не так страшно, я буду спокойна, зная, что ты не разлюбил меня, милый мой!»

Она долго лежала неподвижно, мечтая о той счастливой минуте, когда судьба снова соединит ее с Арсеном. Забыла о еде на серебряном блюде, о боли в руке, о ненавистном великом визире – обо всем на свете! Перед мысленным взором стоял Арсен – возмужавший, дочерна загорелый, такой дорогой и желанный.

Незаметно для себя Златка уснула.

Проснулась от неприятного ощущения, что кто-то смотрит на нее. Тревожно забилося сердце – и она поднялась.

Посреди комнаты стоял Кара-Мустафа. Руки скрещены на груди. Черная борода длинной ровной лопатой покоится поверх рук, ярко выделяясь на фоне белых одежд. Горящие глаза, кажется, так и пронизывают насквозь.

Златке стало не по себе. Она молча поклонилась.

– Что случилось, птичка? – спросил Кара-Мустафа. – Почему ты бросилась в окно? Тебя напугал кто-нибудь?

– Нет, меня никто не напугал, эфенди, – вновь поклонилась Златка. – Просто я не хотела есть... Как видишь, я до сих пор не притронулась к пище.

Кара-Мустафа скользнул взглядом по нетронутым блюдам.

– Но все же нужно есть, голубка. Мне не нравятся сухощавые костлявые женщины... Или, может, готовят невкусно?

– Нет, готовят вкусно, эфенди, и Фатима с Джалилем упрашивают, но... – Златка умолкла и печально посмотрела на великого визиря.

– Что – «но»? Говори, не бойся! – Кара-Мустафа подошел и взял девушку за руку. – Я исполню твое пожелание!

Златка хотела высвободить руку, но сумела сдержаться, подумав: а почему бы не воспользоваться любезностью Кара-Мустафы? И вслух произнесла:

– Разве захочешь есть, когда сидишь в четырех стенах, как в тюрьме? Совсем заскучала здесь, за решеткой...

Кара-Мустафа пристально посмотрел на девушку. Взгляд его потеплел.

– Я скажу Джалилю и Фатиме, чтобы они водили тебя на прогулку в сад, на море...

– Благодарю, эфенди, – искренне обрадовалась Златка: теперь появлялась возможность во время прогулки встретить Арсена или Ненко и передать им весточку о себе.

Но вдруг, словно прочитав мысли девушки, Кара-Мустафа испугал ее неожиданным вопросом:

– Скажи, голубушка, тебе знакомы те два чорбаджии, которые шли со мной?

Златка почувствовала, как под ногами качнулся пол. Неужели великий визирь догадался, что она разбила окно неспроста?

– Нет, я их не знаю, – ответила она как можно спокойнее, хотя голос предательски дрогнул. – Откуда я могу знать чорбаджиев, которые сопровождают тебя, эфенди?

– Дело в том, что это не простые чорбаджии... Они долгое время служили в Немирове у гетмана Юрия Ихмельниски. Вот там ты и могла их встретить.

– Может, и видела, но не помню, – уже увереннее отвечала Златка, поняв, что Кара-Мустафа ничего подозрительного в поведении Арсена и Ненко не заметил, а только хочет найти объяснения ее странной выходке. – У гетмана служило много янычарских чорбаджиев и татарских мурз... Я хорошо запомнила лишь того, кто выкрал меня и отвез паше Галилю, но он не турок, а урус.

Кара-Мустафу, похоже, удовлетворил ответ Златки – он умолк на некоторое время, продолжая внимательно смотреть на девушку, любясь ее красотой, а потом слегка пожал ей руку и попытался привлечь к себе в объятия.

Златка осторожно высвободилась и отошла к окну. Кара-Мустафа тронулся было за ней, но передумал и остановился.

– Ты дикарка... Маленькая дикая зверушка! Но, видимо, за это я и полюбил тебя... Придет время – и ты станешь моей! Да поможет мне в этом Аллах!

Златка съежилась от этих слов, как от удара бичом, и опустила голову. Но в сердце все равно продолжала звучать радость. «Нет, не твоей, визирь! Только Арсена или ничьей!»

Вечером того же дня Кара-Мустафа опять направился к башне, но на этот раз, миновав потайную дверь, по винтовой лестнице поднялся наверх. Без стука вошел в просторную круглую комнату с узкими окнами-бойницами,

выходившими на все четыре стороны света. По всей комнате были расставлены необычные для дворца вещи – небольшая жаровня, глиняные тигли, стеклянные колбы с трубками, старинные книги, карты земли и большого круга небесной сферы со знаками зодиака и небесных светил, банки и горшочки с камнями, порошками и жидкостями...

Здесь жил ломбардец Пьетро, лекарь и астролог, бывший раб-гребец на галере, которого Кара-Мустафа выкупил для себя за большие деньги.

Пьетро лежал на диване и, поставив у изголовья свечу, читал книгу. Увидев в дверях высокого гостя, мгновенно вскочил и замер в низком поклоне.

Это был крепкий, средних лет человек с большой лысеющей головой и густыми черными бровями. Под пестрым шелковым халатом заметно выделялся кругленький живот.

– Гороскоп составил? – вместо приветствия спросил Кара-Мустафа, садясь на твердый деревянный стульчик, собственноручно изготовленный ломбардцем.

– Составил, высокочтимый эфенди, – подобострастно улыбнулся астролог. – Много ночей не покидал крышу – наблюдал за звездами и созвездиями, определяющими твою, о благословенный, судьбу...

Кара-Мустафа невольно взглянул на крутые ступени, прямо из комнаты ведущие на чердак, а затем и на крышу, и ясно представил, как Пьетро, сидя на скамеечке, направляет в небо большую зрительную трубу, специально купленную для него в Италии.

– Ну и что? Покажи!

Пьетро быстро открыл дверцы громоздкого шкафа и осторожно достал свиток серой бумаги. Развернул его на столе, поближе к свету.

– Вот, пожалуйста!

Кара-Мустафа с опаской посмотрел на непонятные для него значки, рисунки и спросил:

– Так что предрекают звезды?

– Они благосклонны к тебе, эфенди, – кратко ответил астролог, но при этом нахмурил лоб.

Это не ускользнуло от внимания великого визиря. Он встревоженно переспросил:

– Что же сказали тебе звезды? Говори все – мне нужно знать правду! Слышишь? Я стою перед выбором – начинать или не начинать дело, от которого будет зависеть не только моя судьба, но также будущее империи и всего исламского мира! Понимаешь?

– Да, эфенди. Понимаю... Потому и отнесся к составлению этого гороскопа с надлежащим тщанием. Ничем не занимался – только им. И рад сказать, что звезды вещают успех всем твоим, о благословенный, военным начинаниям. Бог войны Марс постоянно сопутствует тебе, своему любимцу, эфенди...

– Так, так... А дальше?

– Путь твой проходит под знаком Марса... Много крови прольется, много будет пожаров на земле и несчастий... Настанет великий мор: голод и разруха обрушатся на людей!

– А я? Что сказали звезды обо мне?

– Марс не отступает от моего повелителя, охраняя его и ведя через все жизненные невзгоды... Разве что... – Пьетро замолчал.

Кара-Мустафа напряженно слушал, отмечая мысленно, что устами этого ломбардца говорит сам Аллах. Ведь ему ничего не известно о предстоящей войне, задуманной высочайшими сановниками Порты, а говорит он так, будто многое знает. Нет сомнений, все это подсказали ему звезды... Но Пьетро чего-то недоговаривает. Чего же?

– А дальше, дальше? – нетерпеливо потребовал Кара-Мустафа. – Почему ты сказал «разве что»? Что кроется за твоими словами?

Пьетро опустил глаза.

– Эфенди, кроме бога войны Марса, на небе есть еще и богиня Венера... Знаешь, мой повелитель...

– Знаю... Ну и что?

– Сейчас она неблагоприятна к эфенди...

– Враждебна?

– Не то чтобы враждебна, – нет... Именно неблагоприятна. Что-то тревожит меня расположение этой звезды в сонме других светил. А что – не могу понять. Особенно смущает меня начало гороскопа. Венера словно предостерегает о каком-то несчастье, которое может постичь тебя, повелитель...

– А потом?

– А потом фортуна поворачивается к тебе, благословенный, лицом, и Венера, и Марс сулят только успех и счастье...

Кара-Мустафа вытер ладонью пот со лба. И при этом подумал: «Фу-у-у! Этот глупый Пьетро, сам того не желая, нагнал на меня страху! Но зря. Все просто и ясно. Речь идет о девушке-пленнице Адике... Сейчас она для меня далекая и чужая. Кроме того, ею заинтересовался султан, и это обстоятельство грозит мне большими неприятностями. А со временем – через полгода или год, когда судьба вознесет меня на высшую ступень власти, Адике станет моей... Вот почему Венера поначалу отворачивается от меня, а потом вдруг проявляет благосклонность. Все ясно... Что же касается главного – войны, то здесь двух мнений быть не должно: только большая победоносная война поможет мне осуществить задуманное. Война – это мой путь!»

Он долго сидел молча, размышляя, и совсем не обращал внимания на астролога, который замер перед ним. Затем великий визирь порывисто поднялся.

– Благодарю, Пьетро. Ты постарался, я тобой доволен. Теперь с легким сердцем начну дело, завещанное мне самим Аллахом!

Он бросил на стол туго набитый кошелек и вышел.

Пьетро проводил его растерянным взглядом, а когда закрылась дверь, схватил кошелек и высыпал его содержимое на стол. Там было чистое золото. Этого Пьетро никак не ожидал. Целое богатство! Никогда раньше великий визирь не был таким щедрым! С чего бы это?..

В страну Золотого Яблока

1

Прошла зима. С наступлением тепла Стамбул ожил, зашумел, засуетился. Во все концы помчались чауши с приказом пашам и наместникам немедленно собирать войско, идти к Едирнэ, то есть к Адрианополю, откуда открывалась прямая дорога на запад, в страну Золотого Яблока.

А летом зашевелилась вся империя.

Двор великого визиря в Эйюбе походил на громадный муравейник. Сюда непрерывно прибывали гонцы, приезжали визири, паши. Уже все знали, что султан станет во главе войска и сам поведет его на неверных. Но подготовкой к войне руководил Кара-Мустафа.

Ворота Айвасары-капу, расположенные в городской стене на берегу Золотого Рога, не закрывались ни днем, ни ночью. От них начинался путь из Стамбула в Эйюб, загородную резиденцию великого визиря. Пожалуй, в то время, осенью 1682 года, никакая другая дорога в Османской империи не была так забита военными людьми и высшими сановниками, как эта.

Сафар-бей с Асен-агой – Арсеном – не имели ни минуты, чтобы встретиться и поговорить. Сафар-бей Кара-Мустафа быстро отметил как способного, опытного чорбаджию и назначил своим секретарем, наделив его званием чауш-паши. Теперь Сафар-бей стал доверенным лицом великого визиря и от восхода солнца

дотемна выполнял всяческие его поручения.

Арсен был рядовым чаушем, но ему тоже хватало хлопот. Неудержимый поток событий закружил его в своем вихре... Он очень обрадовался, когда однажды ночью его разбудил Сафар-бей.

– Асен-ага, вставай! Выходи во двор к колодцу. Я подожду тебя там. Надо поговорить...

Ночь была темная. С севера дул холодный порывистый ветер, изредка срывались крупные капли дождя, и тогда Арсен втягивал голову в плечи. Осторожно ступая, пристально всматривался в темноту.

Сафар-бей уже был на месте.

– Что случилось? – спросил Арсен. – Что-нибудь новое о Златке?

– Нет, все мои старания проникнуть к ней закончились неудачей, – тихо ответил Сафар-бей. – Похоже, мы не скоро увидим ее...

– Почему?

– Завтра мы оставляем Эйюб...

Арсен схватил Сафар-бея за руку. Понял, что речь идет о войне.

– Рассказывай!

– Сегодня я присутствовал при разговоре Кара-Мустафы с визирями и пашами... Зять султана, паша будский Ибрагим, в чьем подчинении пашалыки в Сербии и Восточной Венгрии, сообщил, что австрийский эрцгерцог Леопольд непрерывно шлет гонцов в Польшу к Яну Собескому, пытаюсь заручиться поддержкой поляков. Но польские магнаты разделились на две партии – французскую и австрийскую. Последняя горой стоит за то, чтобы выступить на стороне Австрии в войне против Турции. Австрийскую партию поддерживает Папа Римский... А французская, во главе с королевой Марией-Казимирой, дочь французского маркиза, против союза с Австрией. Говорят, в сейме споры доходят порою до

рукопашных стычек и кровопролития.

– Это, конечно, на руку туркам, черт их заberi! – выругался Арсен. – Пока магнаты в Варшаве будут таскать друг друга за чубы, Кара-Мустафа разгромит Австрию.

– Именно на это и рассчитывает великий визирь. И еще – на поддержку графа Имре Текели, который возглавил венгров в их борьбе за освобождение Венгрии от австрийского владычества. Если Текели пойдет на союз с турками, он, нет сомнений, сделает большую ошибку, бросив свою страну из одного рабства в другое, еще более страшное! Кара-Мустафа сразу же воспользуется поддержкой угорцев – нападет на Австрию до того, как она найдет себе союзников. Он так и сказал: «Мы разобьем их поодиночке: сначала Австрию, потом – Ляхистан, и тогда пол-Европы окажется в моих объятиях!»

Сафар-бей почувствовал, как пальцы Арсена впились в его предплечье.

– Ненко, мы обязаны что-то делать! – горячо зашептал казак. – Если турки разгромят Австрию и Польшу, они повернут на север, нападут на Киев... Нужно скорее сообщить в Москву, гетману в Батурин, а также королю польскому в Варшаву.

– Кто же это сделает?

Арсен помедлил с ответом.

– Придется ехать мне... Больше некому.

– А Златка?

Казак тяжело вздохнул.

– Эх, удалось бы вырвать ее из рук визиря! С какой радостью я умчался бы с ней на Украину!..

– Так, может, попросить воеводу Младена послать своих гонцов? – предложил после долгой паузы Сафар-бей.

– Нет! – решительно возразил Арсен. – Слишком важная эта весть, нельзя перепоручать ее другому.

– Как же быть?

Арсен задумался. «Действительно – как поступить? Оставить Златку здесь, когда после долгих поисков появилась наконец надежда ее освободить?! Но сколько еще дней, недель, месяцев придется ждать удобного случая для этого? И что произойдет за это время? Не опустятся ли сабли османов на Австрию и Польшу, а затем на Киев и Москву прежде, чем он сможет оповестить о страшной опасности? Нет, Арсен, найди силы перебороть себя, пожертвовать самым дорогим ради отчизны!»

Сафар-бей тоже молчал, чувствуя, какая буря бушует в душе друга.

Наконец Арсен нарушил молчание:

– Поеду я! Так нужно, Ненко. А потом возвращусь... Если сумеешь один вызволить Златку, отправь ее к отцу на Старую Планину... А если нет – ждите меня! Вернусь – освобожу или погибну!

Сафар-бей пожал Арсену руку.

– Ну, в дорогу! Да поможет тебе Аллах!

– Так сразу?

– Завтра может быть поздно... Поедешь чаушем к молдавскому властителю. Бумаги я тебе приготовлю. Деньги – тоже. Правда, того, что дают чаушам, едва ли хватит на твой путь. Но я добавлю...

– Где ты их достанешь?

Сафар-бей похлопал Арсена по плечу, тихонько засмеялся.

– А добавлю я тебе от щедрот вельмож и пашей, приходящих к визирю. Желая задобрить меня, редко кто не приносит бакшиш. Не возьмешь – вызовешь подозрение. Так уж тут заведено. Вот и приходится пользоваться своей «прибыльной должностью».

2

Под звуки тулумбасов и флейт, под торжественную пальбу из пушек султан Магомет выступил из Стамбула в поход на неверных. Путь его пролегал в страну Золотого Яблока.

Роскошная карета султана, окруженная охраной, ехала во главе огромного войска. Впереди нее мчались на быстрых конях блестящие айабаши, криками «Гальвет вар! Гальвет вар!»[19 - Гальвет вар! (тур.) – Прочь с дороги!] разгоняя зевак, толпившихся на дороге и глазевших на падишаха всего мира. За нею двигались кареты с одалисками султана, отобранными самой валиде-султан[20 - Валиде-султан (тур.) – мать султана.] и казнадар-устой[21 - Казнадар-уста (тур.) – старшая хранительница.] из числа красавиц гарема.

Возлюбленные султана и их рабыни с любопытством поглядывали из окошек на живописные пейзажи, но больше – на разодетых молодых чорбаджиев, гарцевавших на резвых конях.

За гаремом тянулись вереницей возы со всяческим добром для султанского двора – одеждой, посудой, кухнями, едой.

Потом шли войска. Пешие янычары, конные отряды спахиев.

Позади сдерживали горячих коней акынджи[22 - Акынджи (тур.) – нападающий, от «акын» – нападение.], которые в походах всегда мчались впереди войска, беспощадно грабя, сжигая и уничтожая все на своем пути. А сейчас, пока шли по турецкой земле, Кара-Мустафа специально оставил акынджи в арьергарде, чтобы охладить их разбойничье рвение.

Сам великий визирь тоже взял с собой в поход немало шатров, одежды, дорогого оружия, денег, золотой и серебряной посуды, а также людей – одалисок, евнухов, чаушей, капуджи, астролога и лекаря Пьетро. В отдельной карете, под присмотром Фатимы и в сопровождении Джалиля, сидевшего рядом с кучером, ехала Златка.

От Стамбула до Адрианополя шесть дней пути. И все эти дни Златка провела у окошка, надеясь увидеть Арсена или Ненко. Но ни того, ни другого так и не было.

В Адрианополе, большом красивом городе, расположенном при слиянии рек Туджи и Арды с Марицей, султан приказал остановиться: последние два дня лил холодный осенний дождь, и дороги совсем раскисли.

Весь султанский двор разместился в просторном чудесном дворце, окруженном великолепными садами. Не менее пышный и просторный дворец достался великому визирю и членам дивана, которые устроились с большим комфортом.

И не зря. В Адрианополе и его окрестностях войскам пришлось провести всю зиму. Это была не трудная, но однообразная жизнь. Дожди шли каждый день. Султан злился, из-за непогоды ему ни разу не удалось выбраться на охоту, а для него неделя без охоты казалась хуже каторги.

Однако такое вынужденное стояние на месте позволило дождаться многих новых отрядов со всех сторон неоглядной империи.

Как доносили гонцы, из далекого Крыма шла татарская орда во главе с ханом Мюрад-Гиреем. К ней присоединились ногайцы. Они двигались на Белград. Туда же должны были прибыть и другие тысячи и тысячи воинов. Таким образом, собиралось громадное войско, какого еще ни разу не было под рукой султана Магомета.

Мунеджим-паша, личный астролог султана, откинул теплое одеяло, вскочил с кровати и, всунув ноги в отороченные мехом суконные туфли, засеменил к двери. Кто-то настойчиво стучал.

Астролог держал перед собой свечку. Его карие глаза испуганно смотрели на дверь, за которой ждала неизвестность, и на высоком лбу собрались морщины.

Кто бы это мог быть? Он никого не ждал.

– Кто?

– Мунеджим-паша, открой! – слышался снаружи знакомый голос.

Звякнул засов. В дверях стоял великий визирь Кара-Мустафа.

Это не удивило астролога. Такое бывало и раньше. Кто же не хочет узнать будущее? А всем известно, что никто не предвещал будущего так точно, как Мунеджим-паша. Поэтому он и носит звание паши и личного астролога падишаха!

Удивительным было другое: Кара-Мустафа выбрал для посещения ночную пору и явился не в своем ярком наряде визиря, а в одежде простого янычара. К чему такой маскарад?

Но Мунеджим-паша был искушенный царедворец и быстро овладел собой.

– О! – воскликнул он. – Как я рад видеть у себя славного защитника трона падишаха!

– Тс-с-с! Не кричи, паша! – зашипел на него Кара-Мустафа, торопливо закрывая дверь. – А то своим громким голосом разбудишь весь город!

У астролога действительно был громоподобный голос с трагически-зловещими нотками, которым он успешно пользовался во время пророчеств.

– Молчу, молчу... Прошу сюда, мой повелитель! – И астролог распахнул дверь в соседнюю комнату.

Это была обычная для того времени рабочая комната астролога и алхимика. Все здесь было знакомо Кара-Мустафе. На длинных столах стояли стеклянные банки, наполненные порошками, кусками разноцветных минералов, жидкостями. У окна в тигле малиновым цветом светилось что-то расплавленное. Пахло гарью и еще чем-то непонятным и не совсем приятным для визиря, привыкшего к тонким изысканным ароматам. Посредине, на деревянной подставке, висела карта звездного неба с искусными рисунками знаков зодиака, испещренная изломанными линиями. Крутая лестница вела на чердак, оттуда, как знал Кара-Мустафа, Мунеджим-паша наблюдал расположение и ход светил. Повсюду в беспорядке лежали и стояли какие-то приспособления и инструменты, вызывавшие в душе великого визиря уважение к их владельцу и даже суеверный страх.

Астролог пододвинул Кара-Мустафе кресло. Спросил:

– Что заставило великого визиря осчастливить меня своим посещением?

Кара-Мустафа решительно отстранил от себя кресло и долго всматривался в оливковое непроницаемое лицо придворного астролога, словно колебался – говорить или нет? Потом взял его за руку выше локтя и произнес тихо, но жестко:

– Мунеджим-паша, ты должен оказать мне и всей нашей империи большую услугу...

– Я слушаю, эфенди, – кротко ответил астролог, склоняя в поклоне голову.

– Однако то, что ты услышишь, могут знать лишь Аллах и мы двое! – Кара-Мустафа поднял указательный палец. – Ты понял?

– Понял.

– Даже сам падишах не должен знать! И прежде всего – он! Ибо делается все это в его интересах...

– Да, мой повелитель, – еще ниже опустил голову Мунеджим-паша, холодея от мысли, что сейчас узнает о тайне, за которую может поплатиться жизнью.

Кара-Мустафа наклонился чуть ли не к самому его уху и едва слышно прошептал:

– Слушай внимательно! Высшие интересы державы османов, величие и слава падишаха требуют полной победы в этой войне, которую мы начинаем на берегах Дуная...

– Я это знаю, – тоже шепотом ответил паша.

– Во главе нашего войска стал сам падишах... Его верные подданные встревожены тем, что ему будет угрожать опасность, ибо, как известно, на войне гибнут не только рядовые воины, но и полководцы... Мы все живем милостями падишаха, его светлым умом и его славой, а потому глубоко заинтересованы, чтобы он не подвергал свою драгоценную жизнь смертельной опасности, которая может подстеречь его в походе...

– Да, я вполне согласен с этими мудрыми словами, эфенди. Что же делать?

– Для падишаха лучше и безопасней возвратиться в Стамбул, где он будет забавляться с прелестными одалисками, устраивать милую его сердцу охоту, веселиться в мобейне, глядя, как шуты танцуют джурджуну[23 - Джурджуна (тур.) – танец шутов.]... Все это, конечно, приятнее, чем держать ногу в стремени боевого коня!

– Безусловно, мой повелитель.

– Кроме того, зеленое знамя пророка – слишком большая тяжесть для наместника Аллаха на земле. – Голос Кара-Мустафы оставался тихим, но суровым. – Зачем отягощать его земными заботами, когда есть миллионы верных подданных, которые с радостью возьмут эти тяготы на себя!

Проницательный Мунеджим-паша давно догадался, к чему клонит великий визирь. Конечно же, Кара-Мустафе хочется отправить султана в Стамбул, а самому – стать сердаром, заполучить лавры победителя. Однако хитрый царедворец ни словом не обмолвился о своей догадке. Он ждал не намеков, а прямого приказа.

– Да, мой повелитель.

– Значит, ты меня понял? – спросил Кара-Мустафа резко, потому что его начинало раздражать это льстивое, но уклончивое поддакивание.

Астролог поморщился.

– Не совсем, эфенди... Мне не ясно, что должен делать я.

– Ты должен уговорить падишаха вернуться в Стамбул!

– О! Но я всего лишь маленький человек, астролог!

– Не прибедняйся! От тебя многое зависит... Падишах сделает так, как укажут звезды!

– Звезды уже сказали, что падишах прославится на дорогах войны... Еще в Стамбуле я составил его гороскоп.

– Ничего нет постоянного в этом мире.

– Так, мой повелитель! Разве что золото всегда остается золотом!..

Это был достаточно прозрачный намек на согласие. И за него нужно было платить. Кара-Мустафа облегченно вздохнул, поскольку он больше, чем Мунеджим-паша, рисковал своим положением, а то и головой. Он молча достал из кармана объемистый, туго набитый кошелек и бросил на стол. Послышался глухой звон металла.

Мунеджим-паша цепким жадным взглядом впился в этот кошелек, в котором, он не сомневался, было чистое золото. У него вдруг пересохли губы, и он облизнул их. Это было настоящее богатство! Значит, Кара-Мустафа настолько заинтересован в том, чтобы спровадить падишаха в Стамбул, что не пожалел целого состояния!

– Звезды тоже меняют свое расположение на небе, – многозначительно произнес Кара-Мустафа. – Вчера они говорили одно, сегодня – другое, а завтра

предскажут что-либо иное... Не так ли, паша?

– Безусловно, мой щедрый повелитель, – низко поклонился астролог, – падишах приказал наблюдать за звездами и составить еще один гороскоп, и я не уверен, что на этот раз звезды предскажут победу османскому войску, если во главе останется сам повелитель правоверных.

Кара-Мустафа улыбнулся одними глазами.

– Ты все правильно понял, паша... Желаю тебе счастливой звезды, которая продлила бы твои годы!

В последних словах заключалась скрытая угроза, и астролог, чтобы засвидетельствовать свою преданность, кинулся великому визирю в ноги и поцеловал его простой запыленный янычарский сапог.

Варшава

1

Был серый холодный день. Ранние морозы заковали реки и озера в ледяные панцири – переезжай, где хочешь! Дороги бугрились замерзшими кочками – по ним не разгонишься. Поэтому Арсен ехал не всегда так быстро, как хотелось. Где по дороге, а где – напрямик.

Деньги Сафар-бея оченьгодились. Через Болгарию и Валахию промчался за двенадцать дней. Лошадей не жалел: на базарах покупал свежих, выносливых и скакал дальше. А на разоренном Правобережье базары не собирались, потому и пришлось ехать помедленней, сохраняя силы вороного, купленного еще в Бендерах.

В Немирове произошла встреча, едва не стоившая ему жизни. Арсен словно чувствовал, что в этот город, с которым связано так много горьких воспоминаний, заезжать не стоит. Но будто бес нашептывал на ухо: «Заедь! Заедь! Может, встретишь кого-нибудь из знакомых и узнаешь, что изменилось здесь после падения Юрия Хмельницкого».

И действительно – встретил! Лукавый одержал верх в его душе. Вместо того чтобы направить вороного в объезд, на белоцерковский шлях, Арсен потянул повод влево и поскакал прямо к Шполовцам.

Проезжая мимо двора бабушки Секлеты, остановился. Жива ли она? Посмотрел на заросший лебедью огород, на разбитое маленькое оконце, на распахнутые настежь двери, жалобно поскрипывавшие от порывов ветра... Печально покачал головой: нет бабули Секлеты. Пережила мужа, пережила сынов и дочек, внуков и правнуков, а затем угасла сама, как одинокая искра на пепелище. Развеялся по белу свету, вымер некогда многочисленный ее род, и кто знает, нашлась ли добрая душа проводить старушку в последний путь?..

Арсен глубоко вздохнул. Будет ли конец несчастьям, со всех сторон терзавшим эту землю? Настанет ли долгожданный день, когда на подворьях защечечут веселые детские голоса, из труб на крышах заструятся в небо седые дымки, а в хатах вкусно запахнет свежее испеченным хлебом?

Он плотно сжал обветренные губы, почувствовав, как на глаза набежал туман.

«Что это ты, Арсен? Разрюмился, как старый Метелица! Ведь тебе до старости – ого-го! Или, может, обмякла душа от бесчисленных злоключений и забот?»

Он вытер кулаком непрошенную влагу. Тронул ногами коня. И тут заметил, как по улице к нему приближается отряд всадников.

Скакать в поле – неразумно. Не скроешься. Да, собственно, чего бежать, если он – чауш самого великого визиря?

– Эй, хлопец, кто ты такой? – крикнул издали передний человек в кожаной и надвинутой на глаза шапке-бирке. – Откуда и куда направляешься?

– Пусть тебя это не волнует, уважаемый... Где был, там уже нет. Куда еду, там не ждут! – ответил Арсен.

– О-о-о, какой ты, вижу, мудрый, парень! И ты смеешь так отвечать сотнику правителя? Храбрец, оказывается! Потому и хочется мне поближе познакомиться с тобой! – с издевкой сказал тот же всадник, приближаясь, и вдруг воскликнул: – Ба-ба-ба! Кого я вижу! Никак сам Арсен Звенигора пожаловал, лопни мои глаза, если ошибаюсь! Вот так встреча! Не ожидал!

Арсен узнал Свирида Многогрешного и невольно вздрогнул: эта встреча не сулила ему ничего хорошего.

Тем временем остальные – судя по одежде, валахи[24 - Валахи – жители Валахии (Афлака), феодального княжества, расположенного между Карпатами и Дунаем.] – окружили Арсена, и он оказался лицом к лицу со своим давним врагом.

Многогрешный сбил шапку на затылок, открыл морщинистый лоб, к которому прилипли редкие пряди седеющих волос. На лице его расплылась злорадная улыбка.

– Вот когда пташка поймалась! – воскликнул он, потирая руки. – Долгонько ты, голубчик, не показывался здесь! Заждался я тебя! Но теперь потешусь, запорожская сволочь! Теперь ты у меня и запляшешь, и запоешь, и заплачешь, как обую тебя в красные сапожки! Ха-ха-ха!..

Смех Многогрешного был скрипучим, зловещим. Арсен не ответил.

– Чего молчишь? Онемел от страха?

– А я тебя вовсе не боюсь, дядька Свирид...

– Как это ты меня не боишься? Кажись, друзьями с тобой мы никогда не были...

– Но и врагами тоже, – слукавил Арсен, не желая углублять спор, грозивший опасными последствиями.

– Не были, говоришь? – Многогрешный от удивления даже глаза вытаращил. – Должно быть, от страха ты памяти лишился! Ну что ж, я напомним... Хлопцы, – обратился он к своим спутникам, – стащите-ка с него сапоги да угостите палками по пяткам! Пусть потанцует босиком.

Валахи быстро соскочили с коней и кинулись к Арсену. Еще мгновение – и он будет лежать на земле, а эти сорвиголовы отдубасят его по голым ногам.

– Стойте! – закричал Арсен, выхватывая из-за пазухи бумагу, предусмотрительно заготовленную для него Сафар-беем. – Именем великого визиря приказываю вам – стойте!

Слова о великом визире подействовали магически. Валахи мгновенно остановились, растерянно переглянулись.

Многогрешный неистово заверещал:

– Что же вы!.. Хватайте его!.. – И начал вытягивать из ножен саблю.

Арсен протянул бумагу.

– Кто из вас понимает по-турецки?

– Я! – шагнул вперед чернявый парень.

– На, читай!

Валах бросил быстрый взгляд на короткую надпись, на печать – и побледнел.

– Братцы, – прошептал он помертвевшими губами, – это чауш великого визиря... Чуть было сами не попали в беду.

– Не может быть! – продолжал бесноваться Многогрешный. – Дай сюда!..

Он выхватил бумагу, повертел перед глазами. Написанного не понял, но печать узнал сразу – и тоже побледнел.

– Проклятье! – процедил сквозь зубы. – Выкрутился, сукин сын! Ну, твое счастье...

Многогрешный сунул Арсену в руки жесткий желтоватый свиток и поскакал прочь. Валахи помчались за ним.

Арсен вытер пот с лица, постоял с минуту в раздумье, а потом решительно повернул коня на белоцерковский шлях.

2

До Новоселок Арсен Звенигора не доехал: совсем неожиданно встретил всех своих в Фастове. Еще издали увидел над городом сизые дымки, вьющиеся из труб. При въезде дорогу ему преградил часовой с мушкетом. Он выскочил из какой-то ямы, где прятался от пронизывающего ветра, закричал тонким голосом:

– Стой! А не то как стрельну, знаешь-понимаешь. Тут тебе и каюк будет!

Арсен захохотал. Так это же Иваник! И откуда он здесь взялся?

Но смех Арсена разозлил часового не на шутку. Он подскочил, как петух, и ткнул дулом мушкета всадника в бок.

– Чего заливаешься, знаешь-понимаешь? Иль пьян, иль соседям разум раздал? Слазь с коня, разбойник!

– Иваник, неужели не узнал? Арсен я! Звенигора...

Иваник ошарашенно захлопал глазами, все еще не узнавая в этом худом загорелом бородаче красавца Арсена.

– Не может того быть...

Арсен соскочил с коня, снял шапку. И тогда лицо Иваника прояснилось. Мушкет выскользнул из рук и покатился по мерзлой земле.

– Арсен! Голубчик! Откуда ты?

Они крепко обнялись. На глазах Иваника заблестели слезы.

– От самого султана, Иваник! Из Стамбула! А ты как здесь очутился?

Иваник поднял мушкет, поправил на узких плечах свитку.

– Разве не знаешь?.. Семен Палий привел нас всех в Фастов и сказал: тут нам жить! Земли занимайте, сколько сможете обработать, хаты выбирайте, какие поцелее... Крепость гуртом строим, знаешь-понимаешь, чтоб защита была надежной. Вот мы и поселились здесь.

– А мои, мои-то где?

– Твои тоже... Внизу, над Унавой живут. Там хорошо – речка, луг, за речкой – лес. Правда, хатка маленькая, но не хуже, чем в Дубовой Балке. И что лучше всего – по соседству со мной... Непроста говорится: выбирай не место, а хорошего соседа.

– Палия где можно увидеть? Случаем, не на Сечи он?

– Увидишь. В крепости он, поселился рядом с вдовой Семашко...

– О пане Мартыне ничего не слыхать?

– Про Спыхальского? Говорил Роман, что передавал пан весточку из Львова. Всех приветствует... Не забыл и про меня, и про Зинку. – Иваник подмигнул. – Тоже привет передал, знаешь-понимаешь...

Арсен улыбнулся в густую бороду, которую отпустил, пока ехал из Стамбула. Уж кого-кого, а Зинку не мог пан Мартын забыть: очень полюбилась ему молодница!

– Ну, веди, Иваник! – Арсен положил руку на хилое плечо соседа. – Сперва к Палию, а потом уже – домой... Прямо горю от нетерпения!

Они пошли по широкой улице. Около одного из уцелевших домов Иваник остановился.

– Скажу Остапу, чтоб подежурил вместо меня. А то у нас, знаешь-понимаешь, строго... Можно и батогов заработать от полковника, если плохо несешь караульную службу!

Он шмыгнул в хату и через несколько минут вышел в сопровождении высоченного хмурого казака, вооруженного только саблей.

– Бери мой мушкет, – заторопился Иваник. – В случае опасности – пали, пане-брате, чтоб аж в крепости было слышно! А я мигом вернусь...

– Ладно, – буркнул мрачный великан и зашагал к окраине города.

Арсен внимательно осматривал все вокруг.

В городе немало руин и пожарищ. Но среди пепелищ стоят и уцелевшие от огня хаты: вьются дымки, во многих дворах хоть что-нибудь да обновлено – тут исправлены забор и ворота, там выбелены стены, а на некоторых хатах уже новые камышовые крыши.

Крепость встретила их гомоном, стуком дубовых трамбовочных баб, заступов и мотыг, тюканьем топоров. Здесь кипела работа. Одни забивали колья, другие делали земляную насыпь, а третьи из дубовых бревен и брусьев мастерили ворота крепости.

Люди были так худы, измождены и ободраны, что Арсен ужаснулся. Откуда они? Будто одни нищие собрались здесь! Несмотря на холод, у многих, кроме латаной рубахи или видавшего виды лейбика[25 - Ле?йбик (укр.) – верхняя одежда без рукавов, вроде жилета.], не было ничего. Редко у кого на ногах сапоги, а у большинства – постолы или лапти, из которых торчит какое-то тряпье. Лица обросшие, в глазах – голодный блеск.

Арсен хотел было спросить Ивана, что это за люди, но тут заметил знакомую статную фигуру. Палий!

– Батько Семен! – Казак бросился к нему и по-дружески сгреб полковника в объятия. – Батько Семен! Как я рад снова видеть тебя!

– Арсен?! – Палий не верил своим глазам и удивленно рассматривал казака. – И вправду Арсен, собственной «парсуной», как говаривали киевские бурсаки... Да какой обросший, как дед!

– Вы все здесь – не лучше, – повел рукой Арсен, указывая на людей, работающих у стен. – Откуда они собрались?

Лицо Палия помрачнело, он с болью произнес:

– Сейчас, пожалуй, половина Украины так живет... В военном лихолетье люди потеряли все: родных, кров, одежду... Начинаем мы на голом месте. Надо же как-то спасать себя!

– Что начинаем? – не понял Арсен.

– Жить заново, – ответил Палий. – Долго мы думали на Запорожье – что делать? Правобережье опустошено, разорено, истоптано татарской конницей. По Бахчисарайскому договору – ничейная земля... Но она ведь наша! И пока мы на ней живем, никто не сможет назвать ее своей – ни султан, ни хан, ни господарь Валахии, ни король польский... Вот и кинули мы клич: кому негде приклонить голову, идите на Фастовщину, Корсунщину, Богуславщину – поселяйтесь, обрабатывайте землю, но сабель из рук не выпускайте! И вот начало – отовсюду потянулись горемыки, обиженные судьбой. Не было у них ничего: ни денег, ни одежды, ни семян, ни хозяйственной утвари. Зато принесли в сердцах справедливую ненависть к врагам, которые пустили их по миру, и священную любовь к своей земле. Бедные мы сейчас. Ой какие бедные! Зима только начинается, а у нас уже почти нечего есть... Вон видишь – казаны. В них дважды в день варим пшеничный кулеш. Не кулеш – одно название! Но и ему люди рады...

– Как же вы зиму думаете прожить?

– Перебьемся... Потуже затянем пояса, охотиться будем, рыбу ловить в Унаве и Ирпене. Но вся наша надежда на помощь.

– Чью?

– Сечь поможет деньгами и оружием, Киев – зерном для посева, харчами. Свет не без добрых людей.

– В этом я много раз убеждался. Да вот – только что – отмахал путь от Стамбула до Фастова тоже не без помощи добрых людей. А там – и до Варшавы доберусь.

– Ты направляешься в Варшаву? С чем?

Арсен оглянулся: Иваник, выцыгавив у кашеваров миску кулеша, хлебал жидкое горячее варево. Поблизости никого – каждый занят своим делом. Но все же Арсен понизил голос.

– Батько Семен, чтобы ты знал, я сейчас на службе у самого Кара-Мустафы... Вместе с Ненко...

– погоди! – перебил Арсена Палий. – Пойдем-ка ко мне домой, а по пути ты мне все и расскажешь.

– Привез я очень важную весть, – продолжил Арсен.

– Какую?

– Турки начинают войну против Австрии. Султан Магомет собрал громадное войско и повел его под Вену... Я тороплюсь в Варшаву, чтобы предупредить короля Яна.

Палий нахмурился.

– Почему ты думаешь, что нужно предупреждать Собеского?

– Расправившись с Австрией, турки накинута на Польшу... Ненко слышал это из уст Кара-Мустафы.

– Вот как?! Значит, когда падет Австрия, а затем Польша, Магомет вновь бросит свое войско против нас. И тогда уже ничто не сдержит его!

– Мы с Ненко тоже так подумали и решили, что нужно обязательно предупредить поляков...

– Верно. Турок можно остановить только общими усилиями. Твое решение ехать в Варшаву одобряю. А от себя пошлю письма в Москву и Батурин, чтобы и там узнали о замыслах султана.

– Спасибо, батько, за поддержку. Я был уверен, что ты согласишься с нами.

– Еще бы! Как и покойный Сирко, я считаю, что среди многих врагов для нас сейчас самый злейший, опаснейший – турецкий султан... И вопрос стоит так: кто кого? Или мы сообща с другими народами, которым он угрожает, отсечем его загибающие когти, или же нас всех до единого вырежут. И на расплод не оставят...

– В страшное время мы живем, – задумчиво произнес Арсен, перебирая в памяти большие и маленькие события, свидетелем которых пришлось ему быть. – Выстоим ли?

– Выстоим! Должны выстоять! Иначе – всему конец...

Они подошли к крыльцу большого дома, памятного Арсену еще с прошлой зимы. В нем тогда жила старенькая бабуса с мальчиком и девочкой. Теперь дом был восстановлен: пахли смолой новые двери, белели обмазанные белой глиной стены, вместо выбитых стекол в окна вставлены хорошо пригнанные доски. Вокруг дома все прибрано. Чувствовалось, что здесь хозяйничают заботливые женские руки.

– Прошу в мою хату, – пригласил Палий, – правда, временную. Здесь потом устроим полковую канцелярию. А покуда полка нет и с жильем у нас худо, поселили мы здесь Феодосию с детьми. Вдову Семашко. А я, собственно,

постояльцем у нее. Можно сказать, в прийомах, – улыбнулся Палий, поднимаясь на крыльцо.

– Ты, батько, еще молодой, только за сорок перевалило. А Феодосия – красивая женщина. Да и покойный Семашко, помнится, завещал вам объединиться. Было бы правильно, если б вы с нею поженились...

Палий посерьезнел. Приблизился вплотную к Арсену и тихо сказал:

– Я и сам так думаю, друг... Феодосия – женщина не только красивая, но и умная. И сердце мое склонно к ней. Но этого ведь мало!

– Чего же еще нужно?

Палий шутливо толкнул Арсена в плечо.

– Пойми, я хочу, чтоб и меня полюбили! Только тогда я могу жениться. Присмотрись получше, а потом скажешь: любит она, по-твоему, меня или нет?

Палий вошел в светлицу первым. Арсен заметил, что это не та комната, в которой когда-то жила старушка с детьми. Печи не было, зато стояла кафельная голландка, в которой весело пылали сосновые сучья. Посреди чисто вымытого, но уже потемневшего от времени пола лежал потертый ковер. На стене, за новым, недавно сбитым столом, висело оружие: мушкет, два пистолета, два татарских ятагана и богато инкрустированная сабля. Вдоль стен, прикрепленные к ним спинками, желтели свежеструганные из сосновых досок лавки.

Здесь было шумно: четверо ребятишек – три девчушки и один мальчик – возились у стола, крича и смеясь. Тут же за шитьем сидели две женщины – Феодосия и старушка, которая когда-то осталась единственной жительницей Фастова. Теперь она со своими приемышами жила у Феодосии, присматривая и за ее дочурками.

– Кыш, цыплята! – с напускной строгостью прикрикнул на детей Палий. Но они ничуть не испугались – с визгом и смехом кинулись к нему и повисли на его сильных руках.

Поднялся еще больший шум.

Звенигора улыбнулся, глядя на покрасневшие детские лица, и про себя отметил, что Палий умеет привлекать к себе сердца не только взрослых, но и детворы. А дети, как известно, очень чутки к ласке и никогда не поладят с человеком черствым и равнодушным.

Феодосия посмотрела на старушку.

– Бабуся, прошу вас – заберите детей!

Старушка встала из-за стола, – теперь на ней были не лохмотья, как некогда, а вполне приличная одежда, – бросила свое шитье в корзиночку, подхватила ее сухой темной рукой и позвала ребят:

– Пошли тыкву есть!

– Пошли! Пошли! – обрадовались дети и шумной стайкой выскочили следом за ней в соседнюю комнату.

Палий проводил детишек ласковым взглядом, а потом, когда за ними закрылась дверь, обратился к Феодосии:

– Принимай гостя, Феодосия! Узнаешь?

Женщина вышла из-за стола. Остановилась перед Арсеном, всматриваясь в его лицо.

Была она стройна и, несмотря на свои тридцать пять лет и то, что имела троих детей, по-девичьи нежна. Пестрая плахта и белая вышитая сорочка плотно облегли ее ладную фигуру. Черная блестящая коса закручена была сзади в тугий узел. Из-под черных бровей на Арсена смотрели прекрасные выразительные глаза, опущенные густыми ресницами.

У Арсена защемило сердце: эта женщина чем-то напомнила ему Златку, его далекую, найденную, но не спасенную любимую.

Феодосия вдруг улыбнулась и протянула руку:

– Боже мой! Неужели Арсен?.. Как я рада... А где же Златка? Что с нею? – Пожатие ее теплой руки было неожиданно сильным. – Не нашел?

– Нашел... Но выволить не успел... – с грустью ответил казак. – Ведь она в гареме самого Кара-Мустафы. Но я вызволю ее! Возвращусь – и вызволю!

– Будем молиться за это... Прошу к столу.

Арсен попытался отказаться от угощения, ссылаясь на то, что у него мало времени и что он торопится домой, но Феодосия, видимо, обладала даром пленять людей – и ласковой улыбкой, и добрым словом, и той разумной женской твердостью характера, перед которой пасуют самые стойкие мужчины.

Она взяла казака за локоть, улыбнулась и, склонив набок голову, тихо сказала:

– Разве можно отказываться от хлеба-соли, когда их подносят от чистого сердца? – И повернулась к Палию. – Не так ли, полковник?

Как отметил про себя Арсен, смотрела она на Палия по-особенному, с затаенной нежностью и восхищением, которые прорывались сквозь присущую ей сдержанность.

– Конечно, голубушка... Арсен еще молодой, и его следует проучить, чтобы знал, как пренебрегать гостеприимством друзей! – ответил Палий, доставая с полки обливные кувшин и три поставца. – Что там у тебя, хозяйка, в печи?

Феодосия поставила на стол миску горячих гречневых блинчиков, переложенных жареным луком, и три тарелки тыквенной каши.

– Чем богаты, тем и рады, – смущенно развела руками. – Надеемся на лучшее... А пока у нас с харчами туговато.

– Зато у тебя золотые руки, – похвалил Палий, наполняя поставцы квасом. – Ты и из ничего готовишь такое, что с тарелкой проглотить можно.

Феодосия зарумянилась от удовольствия, блеснув темно-карими глазами. Только слепой не заметил бы в этом взгляде настоящей любви и глубокой преданности. Арсен потихоньку толкнул Палия в бок: мол, что же ты, батя, смотри, как она тебя любит?

Палий поднял поставец, улыбнулся в усы.

– Ну, дорогие мои, выпьем кваску за все доброе: за твой, Арсен, приезд, за освобождение Златки, за наше здоровье!

– За счастье и здоровье хозяйки этого дома! – с чувством произнес Арсен.

– Спасибо, – поклонилась женщина.

3

С горы, на которой вырастала фастовская крепость, спускались медленно. Коня Арсен вел в поводу. Красный отсвет холодного зимнего заката за далеким темно-зеленым бором предвещал на завтра холодную погоду. Блестела подолом узкая извилистая Унава.

– Твои, Арсен, выбрали себе чудесное место недалеко от речки. – Палий указал рукой в ту сторону, где на лугу растянулась цепочка хаток. – Я предлагал им на горе, но все дубовобалчане в один голос заявили: «Хотим внизу! Тут все напоминает Дубовую Балку: и речка, и луг, и высокая гора... Легче будет привыкать к новому месту». И я согласился – пускай... Было бы людям хорошо!

– А прежние хозяева не вернутся?

– Пусть возвращаются. Мы будем только рады. Земли всем хватит.

Внизу, на широкой ровной площадке неподалеку от домов, десятка два плотников трудились над какой-то необычной постройкой. Заметив удивленно-вопросительный взгляд Арсена, Палий пояснил:

– Это будет церковь[26 - Церковь Палия до сих пор охраняется в Фастове как историко-архитектурный памятник конца XVIII в.]. Маленькая, простая, но своя... На горе сохранился костел – можно было бы перестроить, но люди заявили, что и шагу не ступят через его порог. Вот и строим. Надо. И причащаться, и венчаться, и исповедоваться. Как построим – тогда и я с Феодосией обвенчаюсь...

– А она тебя, батько, любит, – сказал Арсен. – Неужто сам не видишь?

Палий обнял Арсена за плечи.

– Дорогой мой, как это не вижу? Конечно, вижу. И отвечаю ей любовью. Придет время – поженимся. Приезжай поскорее домой, чтобы попасть на свадьбу!

– Долгий еще у меня путь, батько. Сначала – в Варшаву, а потом – на Дунай, возможно, под самую Вену.

– Да, долгий и опасный.

– Я бы не поехал туда... Но там ведь Златка... ждет меня, надеется, что спасу.

Палий остановился у ворот, сплетенных из свежей лозы.

– Вот здесь живут твоя мать с дедусем! А рядом – Роман со Стехой.

– Роман со Стехой? Разве они уже поженились?

– Да. Своя семья – своя хата. Что может быть лучше? Хатка, правда, плохонькая, но они молодые – обживутся и поставят со временем новую. Место отменное! Огород ровный, низинный, за ним – левада, луг. Дальше – Унава. Хочешь – разводи гусей, уток. Хочешь – рыбу лови... Я тоже поселился бы здесь.

Видно было, что Палий влюблен в эти действительно прекрасные места. Но Арсен слушал его невнимательно. Через плетень он увидел такую знакомую маленькую фигурку... Мать!..

Сердце его неистово забилося, готовое выскочить из груди, а ноги вдруг онемели, будто к земле приросли. Хотел побежать – и не мог. Только смотрел не

отрываясь замороженным взглядом. Мама! Маленькая, немного сгорбленная, будничная, как всегда. В свитке, которой, кажется, не будет износа, в сером шерстяном платке и старых заскорузлых опорках. Она стояла у открытой двери хлева и поила из деревянного ведерка небольшую телку пепельной масти. Телка крепко упиралась растопыренными ногами в землю и, подталкивая мордой ведерко, потягивала вкусное пойло. А рука матери гладила ее по шее и за ушами, как ребенка.

– Мама! – прошептал Арсен и почувствовал, как комок подступил к горлу. – Мама! – опять позвал он, на этот раз голос его прозвучал хотя и хрипло, но достаточно громко.

Мать подняла голову.

И вдруг ведерко выскользнуло из ее руки, пойло разлилось по земле.

– Арсен! Сыночек!

Она быстро, как только могла, засеменила к воротам.

Арсен помчался со всех ног и встретил мать посреди двора. Прижал к груди. Целовал ее холодные, огрубевшие от ежедневной работы руки, шептал слова утешения.

Мать вытерла кончиком платка мокрые глаза, посмотрела на сына снизу вверх, спросила едва слышно:

– Один?

– Один, – вздохнул Арсен.

– Бедный ты мой, когда ж тебе, как другим, улыбнется долюшка? Когда перестанешь блуждать по свету?

– Сейчас, мама, на нашей земле ни у кого нет тихой доли. Одна беда лютует... Так разве могу я сидеть дома? Кому-то нужно со злой недолей бороться!

Мать охватила руками голову Арсена, притянула к себе, поцеловала в лоб.

– Бедная моя головушка! – И грустно улыбнулась Палию, который стоял поодаль и молча наблюдал за их встречей.

Послышался крик. Из соседнего двора простоволосая, с растрепанной пшеничной косой, бежала Стеха. Следом спешил Роман.

От крыльца, блестя розовой лысиной, семенил дедушка Оноприй, за ним степенно шагал Якуб.

Арсен переходил из объятий в объятия. Радостью светились лица. Для полноты счастья не хватало Златки...

Когда улеглись первые бурные чувства, вошли в хату. Она была небольшой, через сени на две половины. Чисто выбеленная, натопленная, пропахшая чебрецом, сушеными грибами, кислицей и желудями.

Мать сразу же кинулась к печи, чтобы приготовить обед, но Арсен остановил ее.

– Не надо, мама. Я только что пообедал у полковника. А от чугуна горячей воды не откажусь – помоюсь с дороги.

Она начала растапливать печь, а сама прислушивалась к разговору. Говорил больше Арсен. Рассказывал о своих приключениях, о Златке, о Ненко, о новой войне, которую готовит султан, о том, что, хотя она направлена своим острием на запад, смертоносным крылом может задеть и Украину. Когда же Арсен сказал, что домой он заглянул совсем не надолго – на одну ночь, завтра пораньше ему снова уезжать, мать побледнела, выпустила из рук ухват, в глазах ее появились слезы.

– Ой, горюшко! Куда?.. Не успел на порог ступить, как опять в дорогу торопишься! Арсенушка, сыночек мой дорогой, сколько лет ты вот так мыкаешься! Ну хоть немножко отдохнул бы дома... Чтобы я насмотрелась на тебя, кровинушка моя родная!

Арсен подошел к матери, обнял, прижал ее посеребренную голову к груди.

– Не плачь, мама! Придет время – вернусь навсегда. Тогда уж никогда не оставлю тебя, голубка моя седенькая! А сейчас – должен...

– Опять в Туретчину? – сквозь слезы спросила мать.

– И в Туретчину, и в другие края, – уклонился от прямого ответа Арсен. – На этот раз должен вернуться со Златкой.

– Дай Боже тебе счастья, бесталанная твоя головушка! – И мать, рыдая, поцеловала Арсена в буйную, давно не стриженную чуприну. Потом, слегка отстранив его от себя, вытерла платком заплаканные глаза и сказала: – Не буду вам мешать – говорите...

Весь вечер в теплой хате шел разговор. И если бы не напоминание Стехи, что Арсену нужно отдохнуть, никто бы до утра не сомкнул глаз.

Только после полуночи Арсен вымылся, побрился, оставив небольшие темные усы, переоделся в чистое белье Романа и лег спать. А с восходом солнца был уже на ногах.

Накормленный и почищенный конь тихо ржал у крыльца, нетерпеливо бил копытом землю, будто чувствовал дальнюю дорогу. Дедушка Оноприй с Якубом приторочивали к седлу саквы и то и дело поглядывали на своего любимца, который в это время прощался с матерью. Посреди двора стояли Палий с Феодосией, Роман со Стехой и Иваник с Зинкой. Все были опечалены. Когда-то еще увидят его?

Вышли за ворота. Арсен в последний раз поклонился, и Якуб передал ему повод коня. Но тут Палий положил руку на плечо казаку.

– Не торопись! Я провожу тебя немного...

Все поняли, что полковнику нужно поговорить с Арсеном наедине, и потому остались стоять у ворот, а они вдвоем пошли вдоль улицы. Вороной конь легко ступал позади, кося черным глазом на стаю воронья, с криком поднявшуюся над вербами.

– Значит, во Львов? – спросил Палий, поворачивая за церковью к западной окраине села.

– Да, во Львов... Сперва разыщу пана Мартына и уже с ним поеду к королю. Спыхальский знает Варшаву, знаком со многими шляхтичами – он поможет мне...

– Было бы лучше, если б ты тоже себя выдал за шляхтича, – посоветовал Палий. – Тогда получишь свободный доступ к владетельным панам. Сам знаешь, каким чертом они на казаков смотрят.

Арсен засмеялся:

– Ну, за этим дело не станет. Назовусь, примером, Анджеем Комарницким. Разве не по-шляхетски звучит? Я естэм пан Анджей Комарницкий. Неплохо придумано?

– Совсем неплохо, – усмехнулся Палий. Затем достал из кармана небольшой кошелек. – А если к этому имени добавить еще и кошелек со злотыми, то можно быть уверенным, что перед тобой откроются не только двери дворцов, но и сердца их хозяев...

– Да что ты, батько! – воскликнул Арсен. – Вы здесь, в Фастове, живете впроголодь. Лучше купите на эти деньги зерна для посева или несколько хороших коров для расплода, а то ведь телушка у матери не скоро станет тельной коровой...

– За нас не беспокойся! Мы гуртом проживем как-нибудь. А тебе деньги понадобятся. Да и не мои они, а казенные. Из нашей полковой кассы. Бери – не перечь!

– Спасибо, батько. – Арсен спрятал кошелек в карман. – Думаю, и вправду пригодятся...

– Ну а теперь прощай! И пусть не споткнется твой конь на далекой и трудной дороге! – Полковник обнял казака, поцеловал в щеку, потом быстро оттолкнул от себя, будто оторвал от сердца, и строго, чтобы скрыть печаль, сказал: – Садись – и айда! В путь!

Разыскать во Львове Спыхальского оказалось нетрудно. Поскольку Арсен прибыл ко дворцу Яблоновского вечером и на подворье, кроме часовых, уже никого не было, он обратился с расспросами к пожилому жолнеру, стоявшему с напарником у ворот.

– Пана Мартына Спыхальского? – переспросил жолнер. – А как же, знаю!

– Где его найти?

– Так пускай пан приходит сюда завтра пораньше...

– Сегодня нужно.

– Ну, если у пана найдется лишний золотый...

– Найдется.

– О, тогда, мосьпане, другое дело! – обрадовался жолнер и подмигнул своему напарнику, прислонившемуся к воротам: – Слышишь, Яцек, ты побудь пока один, а я провожу пана. Тутай недалеко... Пошли, пан!

Они завернули за угол и нырнули в густую тьму. Шли недолго.

– Тутай! – оповестил жолнер, показывая на мрачный домишко, притаившийся, словно гриб, под высокими безлистыми деревьями. – Я сейчас позову...

– Нет, не нужно, – остановил его Арсен. Протянул монету. – Благодарю. Я сам.

Жолнер поднес монету к глазам, повертел в пальцах, даже понюхал зачем-то и, убедившись, что это настоящий золотый, быстро ушел.

Арсен приблизился к освещенному окну, постоял немного, чтобы справиться с невольным волнением, которое внезапно охватило его, а потом тихонько

постучал в стекло. Просто не верилось, что сейчас откроется дверь и он сможет обнять пана Мартына.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Челе?нк (тур.) – медаль за храбрость.

2

Священная Римская империя – так называлась тогда Германия вместе с захваченными ею в Европе землями.

3

Страна Золотого Яблока – Западная Европа.

4

Мобейн, или селямлик (тур.) – мужская часть султанского дворца.

5

Шейх-уль-ислам (тур.) – великий муфтий, глава мусульманской церкви.

6

Уй я уй (тур.) – земной бог.

7

Долбанд (тур.) – высокий головной убор знатных особ.

8

Боздуга?н (тур.) – боевая палица, булава.

9

Казнада?р (тур.) – казначей, хранитель.

10

Еди Куле – крепость в Стамбуле, тюрьма.

11

Ку?рфюрсты (нем.) – буквально: князья-избиратели. В Священной Римской империи крупные феодалы (имперские князья) являлись непосредственными вассалами императора. Самые влиятельные из них составляли коллегию курфюрстов, имеющих право избирать императора.

12

Станислав Яблоновский – коронный гетман Воеводства Русского, так называлась тогда Галиция.

13

Афлак (тур.) – Валахия, феодальное княжество между Карпатами и Дунаем.

14

Джизье (тур.) – подушный налог с немусульман.

15

Хондкар (тур.) – один из титулов султана, говорящий о его неограниченной власти. Дословно – человекоубийца.

16

Кизляр-ага – девичий начальник, евнух-надсмотрщик.

17

Аллах экбер (тур.) – великий Аллах.

18

Каду?на (тур.) – жена султана, которую он выбирает себе из чужеземных рабынь. На турчанках султаны, как правило, не женились.

19

Гальвет вар! (Тур.) – Прочь с дороги!

20

Валиде-султан (тур.) – мать султана.

21

Казнадар-уста (тур.) – старшая хранительница.

22

Акынджи (тур.) – нападающий, от «акын» – нападение.

23

Джурджуна (тур.) – танец шутов.

24

Валахи – жители Валахии (Афлака), феодального княжества, расположенного между Карпатами и Дунаем.

25

Леґйбик (укр.) – верхняя одежда без рукавов, вроде жилета.

Церковь Паля до сих пор охраняется в Фастове как историко-архитектурный памятник конца XVIII в.

Купить: https://tellnovel.com/malik_vladimir/shelkovyy-shnurok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)